

КАНДИДАТЫ УЗБЕКИСТАНА

Недавно мне довелось побывать в одной из типографий Ташкента. В этот день здесь заканчивалось печатание плакатов с биографиями и портретами кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

На некоторых плакатах взгляд его задерживался дольше и по лицу скопилось приветливая, радостная улыбка — будто старого приятеля встретил. Впрочем, так оно и было. Не первый раз печатает Мухамедходжаев портреты кандидатов и сейчас с удовлетворением узнает знакомые лица.

В прошлые выборы, когда я печатал ее портрет, Уриунуль была преподавателем Каракалпакского педагогического института. На некоторых плакатах взгляд его задерживался дольше и по лицу скопилось приветливая, радостная улыбка — будто старого приятеля встретил.

Многие лица на плакатах печатник видит впервые, но он отлично знает, кто это люди, которые жизнью своей и трудом заведывают делом народа.

Вот портрет молодой русской девушки. Это Анна Маслова. Точно такой же ее портрет не так давно был опубликован в «Правде». Анна Маслова — новатор химической промышленности, инициатор всесоюзного соревнования за отличное ведение технологического процесса.

По-разному сложилась их жизнь, и трудятся они на разных участках, но всех их роднит одна черта — любовь и преданность Родине, творческое горение, самоотверженный труд.

Радиограмма с Атлантики

Далеко от родных берегов встретят выборы в Верховный Совет СССР экипажи многих судов Клайпедского управления сельдяного флота. Зимой они впервые вышли на промысел в Северную Атлантику.

Каковы условия ловца? — спросил корреспондент «Литературной газеты» по радио заместителя капитана по политике флотского судна Клайпедского сельдяного флота С. Алауева.

— Северная Атлантика встречает клайпедских рыбаков сильными ветрами и штормами. Недавно в три часа ночи на одном из судов сильный удар волны выбил два стекла в рулевой рубке.

Рады сообщить, что, несмотря на трудные условия, команды флотилий выполнили январский план добычи селди досрочно. Больше успехов добился экипаж судна, где капитаном Горчаков. Здесь особенно хорошо работают старший механик Маслов, третий помощник капитана Агафонов, матрос 1-го класса Валдис, матрос 2-го класса Кемур.

В ответ на Обращение ЦК КПСС ко всем избирателям клайпедские моряки решили к 14 марта выполнить кварталный план добычи рыбы на 130 процентов.

Машина, о которой мечтали шахтеры

В шахтах Донбасса появляются все новые и новые машины и механизмы. Одна из новинок техники — штреповая машина, которую горняки назвали проходческим комбайном.

Проходческий комбайн конструкции инженеров Кузнецкого филиала Гипрогудмаша А. Могилевского и А. Лосева — мощный агрегат для проходки горизонтальных горных выработок. Он весит до тридцати тонн, но легко разбегается на отдельные непроходные узлы.

Новая машина, которой управляют машинист и два его помощника, полностью механизировала труд проходчиков. При ней в забое не стало ни буровишек, ни запальщиков. Стоимость проходки возросла в три раза.

На шахте № 1 имени Челюскинцев комбината «Сталинуголь» новый комбайн по графику должен проходить четыре погонных метра в сутки. Но машинисты Н. Фоменков, М. Руденко и Г. Колдобицын проходят в отдельные дни по 15—16 погонных метров.

Эта машина вводит коренные изменения во всю систему горных работ. Она позволяет разрабатывать угольные пласты наиболее рациональным способом — не от ствола к границам шахтного поля, а от границ шахтного поля к стволу.

На снимке — проходческий комбайн. А. ИОНОВ, корреспондент «Литературной газеты»

Отъезд делегации Советского комитета защиты мира в Финляндию

Вчера в Хельсинки выехала делегация Советского комитета защиты мира, в которую вошли писатели А. Софронев (руководитель делегации) и М. Шагинян, член-корреспондент Академии наук СССР Б. Серепенников и литературовед А. Мантере.

Советская делегация примет участие в работе Национального комитета сторонников мира Финляндии и в праздновании Дня «Калевалы».

СТАЛИНО

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (3206)

Суббота, 20 февраля 1954 г.

Цена 40 коп.

Государственный человек

Ранне, очень ранне утро. Все накрыто белым, пыльным, нетронутым снегом. Сад спит, в деревьях нет сокодвижения, замора, остановилась жизнь.

Он неторопливо шагает по краю участка, выходящий в наглухо застывший тяжелый шубе, в шапке-ушанке, аккуратно ставя на утоптаный снег нежные, когда-то белые валенки. — хозяин платоного сада, селекционер, блестящий знаток распространенных в России сортов яблок и груш, человек, который из существующих форм «лепит» новые, не известные природе.

Пуская зимой нечего делать селекционеру в саду, пускай в эти месяцы ученого издеком захватывают бесконечная творческая работа за письменным столом, работа по оформлению и обобщению всего того, что сделано за лето. И все же как трудно, для него, оторвать взгляд от этих, до мельчайших подробностей, до последнего междоузлия изученных строительных «подростков». Сегодня они даже не имеют названий — сеянец номер четыре, сеянец номер семьдесят один... А где-то там, в самом конце, в результате скрещивания, правильного воспитания, жесточайшего отбора из этого множества тесно посаженных молодых стройных стволиков останется одно дерево, которое и даст жизнь новому сорту. Яблоко войдет в учебники и справочники, будет зарисовано и описано, смежит простейший номер на название, не менее яркое, чем у его старших братьев: «десертное», «юбилейное», «любимое Петрова»...

— Александр Владимирович! — окликает его помощница.

— Да, да, иду, Галина Павловна.

Петров догоняет ее на повороте, и они идут рядом по зимнему насту, на который, как частая гребенка, ложатся ровные тени одинаковых по росту деревьев. На участке по левую руку группа рабочих рубит и корнует старые деревья. Рабочие здороваются с Петровым, и он, вглядываясь в лица, несколько раз подряд приподнимает свою меховую шапку, открывая седые виски и высокий лобный лоб. Подходит и здоровается за руку со старшим рабочим.

Это коммунист, старожил плодово-ягодной станции в Загорье, один из тех, кто в военные годы с Петровым боролся за целостность сада, за сохранение работ ученого. Он с удовольствием оглаживают друг друга — ничего, есть еще порох в порохницах.

— Придете сегодня на собрание, Александр Владимирович? Приходите непременно.

— Конечно, приду, — Петров кивает головой и прохитит мимо. Он немного удивлен таким особым приглашением.

Галина Павловна на ходу неслышно поглядывает на характерный профиль Петрова с крупным крестьянским носом, с узкими хитровато-доброжелательными губами и прорастающим седым жиньлем на глубоких темных висках.

Да разве только работа? Он не шунтит, не произносит широковещательных трескучих речей по любому поводу, но ни от одного общественного дела не отказывается. Много раз его выдвигали в избирательную комиссию. Был случай, он до рассвета считал бюллетени. А ранним утром пошел прямо в сад. «Устал, Александр Владимирович?» — «Нет, хорошо, знаешь ли. Люди проголосовали и отдыхают, а ты работаешь. Что-то в этом есть такое...» — и не найдя слов, пошел к кончикам своих ушных подвижных пальцев, которые так ценно и осторожно, словно измеряя, умеют охватить плод.

В Загорье приходит тысяча писем, приезжают представители совхозов, опытных станций, колхозов, рабочие-садоводы, колхозники-опытники, школьники, увлекающиеся селекцией, студенты. Как ни старается Галина Павловна оберегать время Петрова, но из этого ничего не получается — все хочется поговорить с «самим», почитать «самого»... Галина Павловна вздыхает. Ей вспоминается почему-то давний случай. В Останкине тогда только складывался новый ботанический сад Академии наук, и Петрова попросили отобрать для этого сада из Тимирязевки пятсот плодовых деревьев различных сортов.

Сезон окулировки короткий — приходится торопиться, работать с утра и до вечера. Время было военное, «карточное», поехать в Москву было негде. Александр Владимирович приезжал голодный, черный от усталости. Однажды он приехал особенно поздно, отстал черенки, и его прямо-таки погнали домой, но по дороге кто-то сказал ученому, что его с самого утра ждет пред-

ставить вкус яблока, сорванного в сентябре и пролежавшего до февраля.

— Вы не забываете, сегодня собрание, — сказала Галина Павловна, когда отбор был закончен.

Петров только подал плечима. Что это сегодня все связано ему запоминать? Как спорились. Он поднял лукошко, знакомое дыхание сада нахлуло в лицо, напоминая август, прогретый солнцем листу, стремлянки сборники. Легкий груз — лукошко, но дорогого стоит. А сколько еще вперед поисков, разочарований, неудач, новых поисков! Он любит повторять студентам: «Не отрывай предсказание, но и на веру ничего не принимай. Одной жизни мало, чтобы все познать, но что можно успеть проверить... мы обязаны проверить!».

— Петров, Галина Павловна. И какой это глупый человек придумал поспешно: «Работа не волк, в лес не убежит»? Еще как убежит!

Круглые красные солнце все ниже опускается за горизонт, над белыми крышами поднимаются четкие белые дымы, твердо очерченные, будто скованные морозом, стоят очень прямо, и только одна далекая полоса дыма тянется наклонно, обозначая движение поезда, скрытого за елками. Петров после собрания возвращается домой. Идет он в обход, длинной дорогой. Хочется побыть одному, собраться с мыслями — его выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета страны.

Странное дело, сколько раз Петров был в избирательной комиссии, агитировал за кандидатов, встречался с депутатами по тем или иным делам, — и всегда ему представлялось, что эти люди какой-то особой породы. Что он, беспартийный человек, садовод, может стать когда-нибудь государственным деятелем, — это Петрову и в голову не приходило. Есть другие, молодые, они и на собрания лучше председательствуют, речи произносят, а он насчет речей...

Выходит коллектив станции. Говорили его товарищи, научные работники, которые работают с ним рука об руку, делают одно дело, люди, отношения с которыми далеко не всегда складываются гладко: наука не терпит ничего гладкого, охватываемого, удобного, она любит шероховатости, споры, острые углы. Говорили рабочие — и молодые и ветряные, те, которые знают его с двадцати лет, помнят молодым, без этой седины.

Нужно теперь работать... как-то по-другому. Больше, лучше. Всплывает давний замысел — вывести такую клубнику, которая размножалась бы семенами, а не усом; везь вместе с усом передается и клетка. Нет, это не главное, об этом потом. А что главное? Нет ли одной машины, которую нельзя было бы усовершенствовать, как говорит его старший сын, конструктор. Нет ли одного сорта, который пеллель было бы улучшить. Хорош выведенный им в свое время сорт клубники Комсомолка, но у зрелой ягоды остается безватый кончик. Если этот сорт скрестить с...

Что это он все о клеточке, о клубнике? Кандидатом выдвигнут — такая высокая ответственность... Две суровые морозные зимы — предвоенная и первая военная — погубили много старых насаждений. Тяжелый урон нанесла садоводству война. Он все сделал для того, чтобы цвели и плодоносили сады по всей России. И чтобы было на чем выжить. А то иногда так бывает — вырастает прекрасный сорт, а машин нет и дороги непроезжие. Дорогу исправить — надо затратить три тысячи, а гниет урожай на много десятков тысяч... Механизация обработки плодовых садов... Совхозы не обстроены, рабочие не обеспечены жильем, отсюда текучесть, а сад требует высокой квалификации, забвительных рук... Проблема сезонности садовых работ...

Надо сказать сыновьям. Нет, пока только жене. И дочери — пусть похаживает, только подругам по институту пока не говорит. Когда опубликовано будет, тогда уж пускай...

Кандидат! Хватит ли у него терпения, настойчивости, найдется ли достаточно жизненного опыта, государственной смелости и широты? В селекции, которая стала делом его жизни, ничто не дается даром, надо много, ох, как много, вложить труда, времени и терпения, чтобы был результат. Так же, наверно, и в государственной деятельности...

Заходит солнце, теплые красноватые и розовые тона сменяются холодными, драки гаснут, снег уже не режет глаза, лежит плотной голубоватой массой, без теней. Какой аспный закат, это — к морозу. Что же, незаро говорит, что мороз — дупный селекционер, пусть бракует все слабое, худое, несовершенное; зато хорошо послужит человеку те деревца, что останутся в рядах, стойкие, испытанные, закаленные.

Наталья СОКОЛОВА ЗАГОРЬЕ, Московская область.

В честь Советской Армии

Советский народ готовится широко отметить тридцатую годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота. На заводах и фабриках, в учреждениях, в колхозах, совхозах и МТС проводятся беседы и вечера-встречи с участниками гражданской и Великой Отечественной войн, открываются фотозастенки.

Беседы о славном боевом пути Советских Вооруженных Сил — верного стража мирного созидательного труда нашего народа — проводятся в военных частях Московского гарнизона, в цехах Автозавода имени И. В. Сталина, на заводах «Фрезер» имени И. И. Калиткина, «Серп и молот» и других предприятий, строящих и учреждений

Москвы. В библиотеке Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе открылась выставка книг. Десятки экскурсий посетили Центральный музей Советской Армии.

Детскими объединениями ДОСААФ и офицеры Киевского гарнизона читают доклады и лекции на парадниках, и учреждениях и в учебных заведениях столицы Украины. Тысячи агитаторов из квартир и в аэрипунктах рассказывают избирателям о боевом пути нашей армии, организуют встречи с прославленными воинами — Героями Советского Союза. Встречи с участниками боев проходят также в Одесском порту и на кораблях Черноморского торгового флоту.

Во дворцах культуры и клубах Свердловска, во многих других городах и селах страны.

В связи с 35-й годовщиной Советской Армии и Военно-Морского Флота проводятся спортивные соревнования. В Одессе на шашковой фабрике имени Воровского, судоремонтном заводе, второй обувной фабрике и других предприятиях начались стрелковые соревнования.

Олиторский районный комитет ДОСААФ Коряковского национального округа также провел стрелковые соревнования. В Палане — центре округа — состоялся оленьи гоним,

Международные отклики

Вчерашний день надолго сохранится в памяти берлинцев. Мы уже сообщали о том, что западноберлинские правые профсоюзные лидеры решили приурочить к окончанию Берлинского совещания свою новую провокационную затею. «Марши молчания» — под таким затейливо пыльным лозунгом должна была состояться вчера в Западной Берлине антисоветская демонстрация. Однако затея эта позорно провалилась. Провокаторам из руководства западноберлинских профсоюзов не удалось зажать рот патристически настроенным немцам.

Вчера в демократическом секторе Берлина, на Уинтер-ден-Линдене, со всех концов города собралось более 200 тысяч человек. Мы видели школьников, громко скандирующих на русском и немецком языках доброе всем простым людям слово «дружба», рабочих народных предприятий со знаменами и транспарантами, ученых и ремесленников. Мы увидели гостей из Западного Берлина, безработных, которых нужда и лишения разучили улыбаться и которые сейчас улыбкой отвечали на приветствия со всех сторон.

Широкая Уинтер-ден-Линден к четвертому часу дня стала местом многолюдного митинга. На нем присутствовали премьер-министр Германской Демократической Республики Отто Гроетвель, первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, председатель Народной палаты ГДР Иоганнес Дикман, члены правительства, руководители демократических партий.

Митинг открыл председатель правления Обединения свободных профсоюзов Гельмут Вирке. Немский народ поднимает свой голос за советские предложения, потому что они соответствуют его национальным интересам, сказал он. Кто-то боится нашего голоса. Это те, кто был против участия немецких представителей в обсуждении германского вопроса на совещании министров иностранных дел четырех держав; это те, кто проводит политику перевооружения Западной Германии и втягивания ее в агрессивное «европейское оборонительное сообщество».

Далеко разносятся в морозном воздухе слова выступающих. Когда ораторы говорят о советской программе обеспечения безопасности Европы, об усилении Советского Союза, направленных на воссоединение Германии как миролюбивого демократического государства, в ответ раздаются одобрительные возгласы.

После митинга началось торжественное шествие колонн трудящихся. К вечеру мороз усиливается (термометр показывает 13 градусов ниже нуля), но не редуют колонны демонстрантов. Волнующая манифестация возникает стихийно в здании советского посольства. Из колонн несутся здравичи в честь германско-советской дружбы и слова дружбы громко, громче всех скандируют сотни молодых голосов. Развевается знамена, на них можно прочитать: «За мирный договор, против боннского и парижского договоров», «Долой «европейское оборонительное сообщество!» Вот в колонне молодых рабочих кто-то затягивает на популярный мотив импровизированную песню о том, что «можно будет счастливо в мире жить, если похоронят планы создания «европейского оборонительного сообщества». В другой колонне залорный голос поет об обманутых надеждах Аденауэра, «который хотел бы заставить немцев молчать, а мы громко требуем мира».

Демократические газеты подчеркивают сегодня, что демонстрация на Уинтер ден линден выразила волю всего немецкого народа, горячо одобряющего советские предложения о мирном договоре, о создании единой, демократической, независимой и миролюбивой Германии. Вся берлинская демократическая печать публикует также на первых страницах под крупными заголовками материалы, посвященные заключительному заседанию Берлинского совещания министров иностранных дел четырех держав. Касаясь обсуждения германского вопроса на Берлинском совещании, «Фейес Дейчланд» напоминает в связи с этим о конститутивных предложениях советской делегации, которые указывают единственно путь к мирному разрешению германского вопроса на демократической основе в соответствии с интересами всех миролюбивых немцев.

Однако представители западных держав, подчеркивает газета, игнорируют волю немецкого народа, отклонили все эти предложения советской делегации.

Газета «Берлинер цейтунг» пишет сегодня, что после совещания министров иностранных дел стало особенно ясно, что возрождение германского милитаризма, будучи несовместимым с безопасностью народов Европы, делает невозможным воссоединение Германии.

Но вернемся к событиям вчерашнего дня. Наш отчет об этих событиях в Берлине был неполным, если не сказать в заключении, что закончилась затаившаяся правых профсоюзных лидеров с «маршем молчания», который рабочие метко окрестили «маршем с намордниками».

Когда для организаторов этого «марша» стало ясным, что западноберлинское население отказывается принять в нем участие, начались «метаморфозы» с маршрутом демонстрации. Он менялся трижды. Наконец, кулика «демонстрантов» собралась в американском секторе, на площади Рудольф Вильгельм. Председатель западноберлинского объединения профсоюзов Шарновский обратился к «населению», представленному молчаливыми позорительного вида, с клеветнической речью. Его выслушали и молча разошлись.

А в это время в других районах Западного Берлина — Веддинг, Штеглице — на улицы вышли западноберлинские рабочие. Они несли национальные флаги и транспаранты, на которых в форме лозунгов были написаны предложения, внесенные советской делегацией на совещании четырех министров. Американские покровители организаторов всеяческих провокаций еще раз имели возможность убедиться, что немецкие патриоты продолжают борьбу за построение единой, демократической, независимой и миролюбивой Германии.

Влади Штабский работает слесарем на народном предприятии. Он был одним из тех 200 тысяч берлинцев, которые участвовали в демонстрации на Уинтер-ден-Линдене. «Почти все рабочие нашего завода», — сказал он, — вышли на улицу в одной колонне. Мы обнимаем друг друга, чувствуем, одно и то же стремление. Сегодня с нами, в нашем строю все честные немцы по обе стороны зональной границы. Все, кому дороги мир и будущее Германии».

По телефону

Рабочие-читатели о творчестве Анны Зегерс

В клубе завода «Компрессор» состоялась читательская конференция, посвященная творчеству выдающейся немецкой писательницы, лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Анны Зегерс. В фойе клуба была организована выставка ее произведений, изданных на разных языках, а также литературоведческих работ о ее творчестве.

Инженер завода М. Шумельский рассказал собравшимся о литературной и общественной деятельности талантливой писательницы-коммунистки. О романе «Сельский крест» говорил в своих выступлениях токарь П. Мордвинова и электромонтер И. Кизяев поделился впечатлениями о прочитанном им романе «Мертвые остаются молодыми». Доклад «Анна Зегерс — борец за мир» сделал начальник литейного цеха Б. Федоров.

В заключение выступила присутствующая на конференции писательница Анна Зегерс. Она сказала, что глубоко возмущена изданием советских читателей ее творчество.

— В том, что мы собрались здесь, — заявила она, — я вижу выражение неразрывной дружбы наших миролюбивых народов.

Восьмидесятилетие Дмитрия Гуля

Завтра исполняется восьмидесятилетие народному поэту Абхазской АССР Дмитрию Иосифовичу Гуля. На родине поэта и в Москве состоятся литературные вечера. Для участия в чествовании Д. Гуля в Сукуми выехала делегация Союза советских писателей СССР. Издательство «Советский писатель» и Государственное издательство художественной литературы выпустили книги его избранных произведений.

Президиум Союза советских писателей СССР обратился к поэту с приветствием, в котором говорится: «Вам, основоположнику абхазской литературы, посчастливилось быть писателем и во многих других областях абхазской культуры. Делясь творческие силы и разносторонняя литературная и научная работа сделали вас выдающимся поэтом, прозаиком и ученым. Вы обладали самым тонким общественным подтекстом, глубоко чувствовали и глубоко любили свою родину, великий творческий Пушкин, Лермонтов, Крылова, Некрасова, Тараса Шевченко, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели послужили приближенно абхазского народа к сокращению классической литературы русского, грузинского и украинского народов.

ОБИДЫ ПАЛЕШАН

Когда я был ребенком, отец принес мне необыкновенный подарок: белую глубокую фарфоровую тарелку, расписанную синими волнами. На дне ее, в одежде из морской травы, была нарисована русая девочка.

— Ты должен помочь девочке, не то она утонет, — сказала мать, называя душину летнюю опрокину.

— Она захлебнется?

— Если ты будешь есть медленно.

Было жалко девочку, я торопился. Тяжелое дно тарелки качалось. Время тянулось удивительно долго, но с каждой секундой маленькое зыбкое пятнышко на дне становилось все резче и отчетливее. Наконец-то, показавшись от тарелки, я протер его, украдкой от родителей, пальцем, и спасенная девочка улыбнулась мне.

Когда я немного подрос, отец рассказал мне, что недалеко от нас, на берегах речки Палешки и Лялешки, живут особенные художники. Они умеют рисовать и на блюдах, и на корбочках, и на огромных стенах.

Мне очень нравились слова: Палешка, Лялешка...

Я вновь услышал о художниках, живущих у реки Палешки, в 1946 году во время экскурсии группы моряков в старинное здание Ново-Афонской церкви на Черноморском побережье. Помню, всех нас тогда поразила удивительная роспись трапезной и алтаря.

— Это расписывал палешский художник Зиновьев, — объяснили нам...

И вот недавно у входа в Палешский музей я встретился с маленьким человеком со спокойными, ясными глазами.

— С кем имею честь?

Мы познакомились. Это был Зиновьев. Привычным движением он открыл огромную массивную дверь.

— Это и есть знаменитые памятники фресковой живописи, — после небольшого молчания неожиданно заговорил Николай Михайлович. — Посмотрите, какое письмо: мягкое, спокойное, выкованное, с богатым убранством, с тончайшей миниатюрной отделкой золотом. Хорошо писали деда, а?

— А где представлено ваше поколение?

— Наши работы в другом музее. Там не только шкатулки и кубки. Есть и живопись и роспись фарфора. Приходите завтра.

— А сегодня можно?

— Уже четыре часа. При свете керосиновых ламп можно не увидеть.

— Разве в Палехе электричества нет?

— Оно у нас редчайший гость.

Как же так получалось, что в Палехе, в этом старинном краю художников, созданных славу русскому народному искусству, в зимний полдень откладываются тонкие беличьи кисточки и зажигаются керосиновые лампы?! В чем же дело?

У районного центра есть два источника электроэнергии: райкомхозовский докомбинат с генератором и локомотив, обслуживающий в основном льнозавод и частично Палех. Трудно сказать, какой из этих локомотивов работает хуже. Везде свои сложности, везде, на первый взгляд, множество объективных причин, затрудняющих нормальную работу. То транспорт есть, а дрова не заготовлены, то заготовлено много дров, но они так и остаются невывезенными из-за недостатка транспорта. На льнозаводе для обслуживания локомотива не хватает штатных единиц.

Как же относятся ко всему этому руководящие работники района, и в первую очередь председатель райисполкома Григорий Васильевич Романов? Разве ему не звонил директор палехской десятилетки и не сообщал об угрожающем положении школы, центральное отделение которой связано с подачей электроэнергии? Разве уже не прекращались занятия из-за отсутствия света? Разве десятки раз не ходили в районкомхоз палехские художники, не имеющие возможности писать при свете керосиновых ламп? А ведь и оп, товарищ Романов, и председатель Ивановского облисполкома товарищ Иванов не раз, вероятно, с достоинством говорили: «У нас в Палехе».

— Что ж поделаешь, — разводит руками товарищ Романов, глядя на возмущенных палешан, — тяжело.

И попрежнему со вздохом, на два часа раньше положенного срока, закрывает музей палехского искусства Николай Михайлович Зиновьев, рано мотет свои источники молодые и старые художники, откладывая работу до утра, запирает в шкаф диалогичные гонимый прощень лекцию о современном кандидате искусствоведческих наук Виталий Тимофеевич Котов.

От Шуши на Югу, километрах в семи, проходит высоковольтная линия. Шуйскую подстанцию вскоре будут реконструировать и усилят. Создается возможность подачи электроэнергии на Палех. Неужели нельзя подключить палешан к центральному кольцу, раз и навсегда разрешив эту насущную проблему?

Нет в Палехе и клуба.

...С 1886 года, со дня организации Сафоновских иконописных мастерских, стояло в Палехе старинное здание. Оно и было отведено под Дом культуры. Десять лет здание считалось аварийным. Люди посещали клуб, но с опаской: аварийное ведь — обвалится. И вот в двух так называемых «кружковых» комнатах обрушился потолок. Но клуб упорно не закрывали. Пять лет работал кинозал. На шестой год для облегчения нагрузки на перекрытия земляная засыпка потолка была снята, и вот тогда-то сквозь щели, образовавшиеся на месте огорженных перекрытий, жители Палеха, сидевшие в кинозале, увидели над собой звезды. Это было красиво, но в клуб летом стали ходить с зонтиками, зимой — одеваясь потеплее.

Однажды две кресты на крест прибитые к двери доски возвестили о закрытии старого Дома культуры и о строительстве нового.

Но шли годы, парк вокруг Дома культуры, посаженный в 1947 году, съези козы, он вытаптывался, заброшенный и опустевший, а здание Дома культуры поднималось медленно.

Вот уже шестой год жители Палеха не ходят в кино, не слушают концерты и уже, как это ни грустно, начинают терять надежду на вечерний отдых в своем клубе.

В Палехе живет более ста художников. Работы многих из них находятся в Третьяковской галерее, в Музее революции и в Русском музее. Палешане расписывали Грановитую палату Кремля. Они украшали местные дворцы культуры нашей страны и комнаты сказочных дворцов пионеров. Миниатюрные росписи на шкатулках из панье-маше палехских художников украшают быт десятков тысяч советских людей. Имена заслуженного деятеля искусств Котухина и народного художника РСФСР Маркочева, лауреата Сталинской премии Париллова и заслуженного деятеля искусства Вакурова, имена Бакаева, Зиновьева, Бутурова известны далеко за пределами нашей Родины.

Палешанам гордится вся страна. Ими гордятся и в Ивановской области. Гордятся, но забывают о самых насущных нуждах палешан.

Гр. ПОЖЕНЯН

Пилоты Новосибирского аэропорта доставляют из самолетов в отдаленные районы области избирательную литературу. Коллектив летчиков успешно несет трудовую вахту в честь выборов в Верховный Совет СССР. На снимке: пилот комсомолец И. Мазин (в центре) перед вылетом в очередной рейс получает указания от заместителя командира С. Воронина. Фото В. Лещинского

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Сельская школа оторвана от сельского хозяйства

Тысячи агрономов, зоотехников, механизаторов нужны нам, чтобы решить грандиозную задачу подъема сельского хозяйства страны. И эта потребность будет увеличиваться с каждым годом. Естественно, что очень остро встает вопрос о подготовке, о развитии сельского хозяйства, способных обеспечить дальнейший рост и развитие колхозного производства.

Школа — вот с чего, как мне кажется, следует начинать. Школа — вообще, и сельская школа — в особенности. На школьной скамье учащиеся должны получить первые сельскохозяйственные знания и навыки; именно в школе им надо привить любовь к сельскому хозяйству, интерес к колхозным профессиям.

Сельскому школьнику уже в семилетнем возрасте представляется об основах агрономии и механизации сельского хозяйства. Но для этого нужно решительно улучшить учебно-воспитательный процесс и пересмотреть некоторые программы и учебники.

В курсе ботаники, например, учащимся сообщаются лишь отрывочные сведения о сельскохозяйственных культурах, очень слабо говорится о таких комплексных работах, как весенний и осенний сев. С моей точки зрения, это большой недостаток.

Ни курс ботаники, ни курс зоологии семилетних школ не дают учащимся необходимых знаний о кормовой базе, о кормовом балансе, о зеленом конвейере. А на всю тему «Сельскохозяйственные животные», изучаемую в седьмом классе, отводится лишь девять часов классных занятий!

В курсе химии (как и в курсе ботаники) очень мало говорится о значении минеральных и органических удобрений для повышения урожайности. Курс физики, изучаемый в семилетней и даже в средней школе, тоже, увы, не удовлетворяет требованиям политехнического обучения. Сведения о двигателях внутреннего сгорания, о тракторах, автомобилях даются мельком, а об устройстве и работе сельскохозяйственных машин не говорится ни слова.

Вообще надо сказать, что непрерывно развивающаяся сельскохозяйственная техника проходит мимо школы: в школьных программах не отводится места для ее изучения; нельзя применить эту технику и на школьных учебно-опытных участках, ибо они носят, если можно так выразиться, карманно-игрушечный характер.

Безусловно, в «Положении о школьном учебно-опытном участке», утвержденном Министерством просвещения Латвийской ССР, указывается, что на таких участках семилетних школ необходимо иметь овощные и полевые культуры, плодово-ягодный сад с ветрозащитными посадками, питомник плодово-ягодных, декоративных и лесных пород, цветочно-декоративные растения, коллекционный участок, опытные участки юных натуралистов и заштитенный грунт (парники, рассадники и пр.). Но попробуйте все это разместить на площади 0,5 гектара, которая по инструкции выделяется для пришкольного участка! И какую технику можно использовать для уборки, скажем, 10 квадратных метров пшеницы? И каким передовым методом посадить картофеля может научиться школьник седьмого класса на одном квадратном метре земли?

Далека от насущных вопросов колхозного производства и работа кружков юных натуралистов. Большой частью она сводится к собиранию гербариев да ловле бабочек.

Все это приводит к тому, что многие, окончившие семилетнюю школу, уезжают из деревни, не стремясь вернуться вновь к сельскому хозяйству. Приведу цифры по нашему району. Пять семилетних школ (Кастранскую, Красную, Кейлескую, Рембатскую, Сунтажскую) за последние годы закончили 288 учащихся. Из них 172 выпускника пошли учиться дальше, но только 14 человек поступили в специализированные сельскохозяйственные школы и техникумы.

Вот как мало популярны среди сельских ребят профессии их отцов. Можно ли с этим мириться?

В. БУЛАН,
секретарь Оргкома районного комитета КП Латвии
Латвийская ССР

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДВЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ»

Опубликованная в «Литературной газете» 8 декабря 1953 года статья Л. Елисеева «Две писательские организации» обсуждалась на расширенном заседании правления ССП Чувашской АССР.

Правление ССП Чувашии признало неправильным выступление «Литературной газет» и наметило конкретные меры для устранения отмеченных в статье недостатков.

Вопросы, поднятые в статье «Две писательские организации», обсуждались также на третьем республиканском совещании молодых писателей.

«Если ее мать ответит мне... Но с чего я взял, что у Алёнки нет отца и что мои открытки не попадут именно ему?»

На один вопрос ты должен мне ответить, о многоопытный муж и отец семейства: как бы ты посмотрел на то, что незнакомый дядя с улицы прислал твоей Ляльке дурацкую открытку? Не показалось бы тебе, что письмо адресовано... твоей жене?

Ваш одинокий друг Никита. Сухуми, Дом отдыха строителей.

«Москва, Кисловский переулок, 37, квартира 3. С. Ермолаевой.

Сочофка, я не сержусь на вас, напротив, я признателен вам за прямую и честную ответ. Но всей вероятности, и родители девочки сочли меня, невольно выразилось, чудачком. (Ответа на мои две открытки нет). И подожди! Напрасно только ты стараешься проводить какие-то анализы с тем, что было когда-то в моей жизни. Да, было... Но после этого я четыре года на фронте был, потом институт кончал... И все же я не жалею, что написал им. Если бы я не сделал этого — я бы больше жалел. Камушки я, простите, посылаю вашей Ляльке, не продавая же добро!

Спасибо за приглашение, но, очевидно, поеду не через Москву — лучше лишний денек на пляже поваляюсь. Ваш Никита».

«Москва, Суворовский бульвар, 4, квартира 34. Алёнушке Кожиной.

Так ты ж замечательно рисуешь, Алёнка! Мне очень понравился дом и деревья вокруг, только я не понял, что за красный круг с ножками нарисован перед домом: цветок или крыльцо? Мне еще долго отходить, в конце концов я раздала, что это.

Значит, тетя Соня передала тебе камушки и яблоки. А конфет я будто бы и не посылал, но иначе, как на почте вложили в ящик, узнав, что это для тебя. Но слал бы тебе немножко моря и снежных гор, как ты просила. Зато на открытке — а горы не влезут. Зато на открытке — их я вкладываю в конверт — все есть: и море с пароходами, и горы, и даже обильно; они живут на Сухумской горе в платках (потому что кусачие).

Р. С. Спасибо за письмо, милая Алёнушка. Оно обрадовало и несколько успокоило меня: я чувствовал себя неловко, написав вашей дочери без вашего на то разрешения. Не знаю, могу ли я продолжать нашу переписку?

Уважающий вас Н. Слонов».

«Москва, Кисловский переулок, 37/3 Ермолаевой. У вас добрая душа Соня я это всегда знал но сообщите бога ради как вы вручили посылку. Никита».

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Паша эпоха — эпоха удивительных биографий не только отдельных людей, но и целых народов. Полны глубокого интереса судьбы поэтов народных певцов и поэтов, в творчестве которых, словно в пушкинском «магическом кристалле», можно увидеть как бы жизнь всего народа. Таков Дмитрий Гуля — народный поэт Абхазской АССР. В личной судьбе и многообразном творчестве писателя отразились судьбы его родного народа.

Дмитрию Носифовичу Гуля завтра исполняется 80 лет. Может быть, по абхазским понятиям восемь десятилетий не так много: Абхазия, как известно, страна долголетия, и там не редкость встретить колхозника, давно справивших свой столетний юбилей. Но постигне Дмитрий Гуля прошел два века; в его поэтических, исторических, публицистических, драматических и других художественных и научных сочинениях запечатлелся великий переход небольшого мужественного и трудолюбивого народа к социализму.

Сын народа, жившего в таких местах, к которым особенно жадно тянулись со всех сторон и заребрили руки торговцев «живым товаром» из Турции, и волосатые лавины Колгунаевых и Разуваевых, — писатель уже с самого детства испытал все превратности, вынашившие на долю его родного народа. Вместе с родителями юноша побывал в махаджире, т. е. пережил насильственное переселение в Турцию; возвратясь оттуда, бедствовал, учился, из последних сил пробиваясь к знанию, о чем впоследствии очень хорошо написал в рассказе «Как я поступал в школу».

Вовлечение Абхазии, как и всех районов Кавказа, в общерусский капиталистический оборот хотя и приводило к порабощению и угнетению народа, в то же время способствовало пробуждению отдельных национальностей и племен: козаческо-феодално-родовая замкнутость, рождалась новое самосознание. Выразителем, певцом национального пробуждения Абхазии и стал Дмитрий Гуля. Он является и автором первой в Абхазии книги стихов, и начинающего прозы, и первым историком родного народа, и первым этнографом, и первым составителем грамматики абхазского языка, и первым редактором газеты на абхазском языке. Нет абхаза, который не знал бы Д. Гуля. Велики любовь и уважение народа к своему поэту. И это доверие выразилось в том, что сейчас Д. Гуля выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Дмитрий Гуля пишет драмы и поэмы, гимны и легенды, романы и песни. Но при всех этих многообразных занятиях общественному деятелю, историка, ученого и писателя Д. Гуля прежде всего поэт. В его произведениях обращает на себя внимание их глубокая связь с фольклором, с кругом народных поэтических образов.

Это хорошо видно в крупнейшем произведении Д. Гуля — романе «Камачич». Роман изображает деревенское прошлое Абхазии. Героиня повествования девушка Камачич олицетворяет собой смелые, мужественные, благородные черты, сложившиеся у абхазского народа в условиях феодально-родового строя. Ее негибкая, сильная характер противопоставлен подлости и низости феодальных князюшек, местных кулаков и торговцев.

Но не только родной фольклор питал тематику, язык и стиль Д. Гуля. Трудно переоценить ту роль, которую сыграло для писателя его знакомство с русской литературой — с творчеством Пушкина, Лермонтова, Горького. Большое значение для его художественного совершенствования имело и творческое освоение лучших традиций грузинских классиков, и в первую очередь певца дружбы Грузии с Россией — Акакия Церетели.

Горячо любя свой народ, Д. Гуля окружал романтическим ореолом душевную

красоту горных сынов абхазских гор и лесов, красочно изображал черты национального своеобразия абхазского народа. Такого художника делает многие сцены абхазской жизни, нарисованные, например, в романе «Камачич» и в «Коротких рассказах», правдивыми, живописными и радующими много познавательного материала для живого и точного представления об Абхазии.

Экономическое, социальное и культурное преобразование, которое пережила Абхазия после Великой Октябрьской революции, укрепило и открыло писателя. Образы и представления поэта о прекрасных, мужественных и сильных людях, которые народ хранил в своем сердце и о которых пел в своих песнях, получили новую почву и простор, обогатились новым содержанием. Не случайно главное и лучшее, что создал Д. Гуля, написано им именно в советские годы.

Его поэзия — это искусство, созданное светом социализма, радостью творческого труда. Он пишет обо всем, чем живет наш народ, и имя поэта тоже знают во всех краях нашей страны.

В одном из стихотворений, обращаясь к читателю, поэт спрашивает: «Что бы хотел я? Ответу: и много и мало, мой друг, и рисуется широкий мир желаний. Хотел бы в степях Украины до самого Крыма шагать, рядом с геологом «пройти Кара-Куму пошкмом», увидеть в Рустави «рожденные сверхъестественной сталью», «и каждую верную руку сердечно пожать на пути, и с вами, товарищи вузники, до дней коммунизма дойти».

В стихах Д. Гуля перед нами встает разнообразный мир. Мы встречаем стихи и об Октябрьской революции, и о прошлом Абхазии, стихи о партии, о Ленине. Но, как всегда, когда речь идет о подлинной лирике, ее нельзя охарактеризовать, называя только тематикой. В лирике главное — та естественная слитность высокой, благородной мысли и искреннего чувства, которая находит свое выражение в слитности образного и ритмического строя стиха.

Дмитрий Гуля — истинно лирический поэт и, на мой взгляд, далеко не достояние оценок с этой стороны нашей критики. Чем старше он становится, тем крепче, глубже делается его лирика. О чем бы он ни писал, — о любви, о труде, о человеке, о море, о земных просторах, — поэт умеет найти такой поворот темы, в котором соединяются живые, порой, может быть, повседневные представления с большой и глубокой мыслью.

Удивительно глубоко по лирическому чувству стихотворение «Человек в горах», в котором прославление дружбы естественно перерастает в прославление единства народа:

Путь в горах — по кручам и обрывам,
Но легко с товарищем идти...
Так каким же должен быть счастливым,
Тот, кому с народом по пути.

Светлая, добрая лирика Д. Гуля одухотворена постоянно присутствующей в ней мыслью о человеческом творчестве, труде, как основе красоты: «Жода бездействовать хотя бы день один, — ты, значит, умер на день раньше срока!».

Социалистическое содержание поэзии Дмитрия Гуля роднит ее со всем тем, чем живут русский и другие народы Советского Союза. И в то же время его поэзия своеобразна, необычайно богата неповторимым ароматом, колоритом тех национальных условий, в каких она родилась. Это та национальная специфика, которую Дмитрий Гуля, патриарх абхазских поэтов и писателей, вносит в сокровищницу советской литературы. Да, в сущности говоря, и сам Дмитрий Гуля, выдающийся певец и летописец Абхазии, — живое олицетворение того, что абхазский народ и его культура вносят в общую культуру всей Советской страны.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Константин ЯЛПИН

АЛЁНКА

РАССКАЗ

«МОСКВА, КИСЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, 37, КВАРТИРА 3. С. ЕРМОЛАЕВОЙ. ВОДОЯРА НЕ УДИВИЛСЯ ПРОСЬБЕ СООБЩИТЬ ПОЧТОВОМУ АДРЕСУ НАШЕЙ ВЫШЕШЕЙ ШКОЛЫ СУВОРОВСКОМ БУЛЬВАРЕ ТЕЛЕГРАФИРУ КОММУСОЛЬСКИ НА ВОЛГЕ ПОЧТА ВОСТРЕБОВАНИЯ МНЕ ТЫ НИКИТА».

«Москва, Суворовский бульвар, 4. Девочке Алёнке со второго этажа.

Милая Алёнка, тебе пишет дядя, который разговаривал с тобой в прошлое воскресенье на бульваре. Вспомнила? Ты еще не разрешила мне смотреть на окна твоего дома... Как переслать тебе ракушки и «чороты пальцы», которые я собрал? Без номера квартиры посылку на почте не принимают. Спроси маму, не сообщит ли она его мне по адресу: Комсомольск-на-Волге, Почта, до востребования, Н. Слонов».

«Москва, Кисловский переулок, 37, квартира 3. С. Ермолаевой.

Спасибо за адрес, Соня! Право слово, мне иногда кажется, что именно вы, а не Владимир — мой старый школьный друг. Поздравляю пока что не раскрывать, зачем мне, бывшему москвичу, понадобился адрес нашей старой школы. Бовсь, не объясню толком. Отложим до встречи после отпуска. Да, а с отпуском-то как неожиданно все вышло. На днях меня и еще двух строителей перемички вызвал начальник Правобережного района работ: «За досрочное выполнение плана всем троим премия — путевки в дом отдыха, — сказал он. — Скрывайтесь скорее с глаз моих, пока я попомо объекту не приступил!».

Отоспелась же я на этом благополучном Черноморском побережье! По двенадцати часов в сутках буду спать.

Комсомольск-на-Волге. Ваш Никита.

«Москва, Суворовский бульвар, 4. Девочке Алёнке.

Алёнка-малёнка, шлю тебе открытку на случай, если твоя мама решит ответить мне. Мой адрес до середины июня такой: Сухуми, Дом отдыха строителей, Н. Слонов. Уговор насчет посылки остается в силе, тем более, что камушков и ракушек здесь — тысячи миллионов штук. Причем, не простые они, не речные, а морские. Могут откопаться кусочек и от снежной горы, о которой ты спрашивала (ты ее видишь на обороте открытки).

Один твой знакомый».

«Москва, Кисловский переулок, 37, квартира 3. В. и С. Ермолаевых.

Дорогие мои, как мне жаль вас! Вот уже третий день жарюсь на солнце, купаюсь в море. Вокруг все цветет и благоухает. Как сказал поэт: то в нас тебе магнолия, то в глаз тебе глициния! Слава тебе нормально — в дороге намерстал. А вот со свободным временем еще не умею справиться — столько его у меня никогда не было. Посему решил объяснить, зачем мне вдруг понадобился адрес школы, а кстати, и поинтерисуйся в том, что, будучи в Москве, не зашел к вам.

Вызвали меня в министерство неожиданно, по срочному вопросу. Закончив дела, звонил вам от сестры, но вас не оказалось дома. До отъезда оставалось три часа, и я решил пройтись по Москве. Дойдя до Суворовского бульвара, я сел на лавочку и стал от нечего делать смотреть на окна нашей славной 31-й школы.

— Чего смотришь? Это наши окна, — весьма вежливо сказала мне девочка лет трех-четырех, копавшаяся неподалеку в куче песка. Она даже заманивала на меня деревянным совком... — А почему нельзя смотреть? — Это мой дом, а не твой. — Но раньше это была моя школа. — Не была! Мы всегда живем здесь... После небольшого уточнения выяснилось, что смотрю я вестники не на ее дом, а на соседний. Это ее тоже обидело: — Наш дом лучше!

В открытое окно второго этажа выглянула мать девочки: — Не ругайся меня, Алёнка! Я сейчас выхожу... Она говорила это весело, тем доверительным тоном, который устанавливается между людьми, отвлеченно понимающими друг друга. Меня она, кажется, не заметила.

— А ты коржики умеешь пече? — спросила меня Алёнка... — А что? — Мы могли бы налепить много-много коржиков и поесте все, пока мама не вышла. — К сожаленью, я уже отбедал. — Так это ж только завтра. — А завтра с утра едят... Новая мысль мелькнула в ее светловолосой головке: — А завтра с утра ты придишь сюда! — Завтра я буду далеко отсюда. На Волге. — На какой Волге? — Ты не знаешь Волгу? Это широкая, как море, река. И горы у нас высокие. — Снежные? Девочка смотрела на меня теперь во все глаза; нечто большее, нежели простое любопытство, было в этом пристальном, недоверчивом взгляде. — Зимой они снежные.

— Значит, ты за синими морями и снежными горами живешь?

Но тут Алёнка увидела в песке какой-то камушек и спрянула его в карман: — Это очень прекрасный камушек. Его надо оберегать. — Эх, какие камушки у нас! И чороты пальцы. Ты знаешь, что такое чороты пальцы? — Про чороты не надо, а то я буду их во сне видеть, — девочка тяжело вздохнула. — Ты мне привезешь камушков? А то у нас их нет.

Она все ближе подходила ко мне, и, наконец, встала, упершись тугим животиком в мои колени.

— Очень жаль, Алёнушка, но в Москве я теперь не скоро буду. Придумай лучше, что мне сейчас подарить тебе? — Морозенко! — сказала она твердо. — А твою маму не заругает меня? — Она сама мне покупает вполучки. Только что-то давно вполучек нет.

Из подзвезда дома вышла мать девочки. Алёнка бросилась к ней. Она не попрощалась со мной, но свои ведерки и совок не забыла захватить: дружба, как говорится, дружбой, а игрушки — врозь. Алёнка зашла к матери, показывая в мою сторону. Девочка взглянула на меня — красивое оживленное лицо ее улыбалось, а большие глаза смотрели серьезно — и, отвечая дочери, покачала головой. Девочка насупилась. Медленно переставляя ноги, медленно каждый шаг стоил ей большого труда, она подошла ко мне. — Мама не разрешает есть на улице морозенко! — сказала Алёнка тихо.

Вот и все, друзья мои! Немного, да? Но уже второй месяц я думаю об этой девочке.

Считайте это письмо следствием моей пеленой склонности замечать то, что меня не касается, думать о случайно встреченных людях и их отношениях, которые меня вовсе не должны были интересовать. А жаль, что не принято знакомиться вот так, запросто, на улице, с человеком, который тебя заинтересовал... Из чего-то ведь рождается желание видеть именно этого человека, причем не только видеть, а знать о нем все. Как жаль, что я не догадался встать и поклониться ей... Или подарить что-нибудь на память ее дочери...

Теперь вы знаете, для чего понадобился мне адрес нашей школы: соседний! Дом — Алёнки. Если мои открытки дойдут, и если девочка помнит разговор о камушках,

и если ее мать ответит мне... Но с чего я взял, что у Алёнки нет отца и что мои открытки не попадут именно ему?

На один вопрос ты должен мне ответить, о многоопытный муж и отец семейства: как бы ты посмотрел на то, что незнакомый дядя с улицы прислал твоей Ляльке дурацкую открытку? Не показалось бы тебе, что письмо адресовано... твоей жене?

Ваш одинокий друг Никита. Сухуми, Дом отдыха строителей.

«Москва, Кисловский переулок, 37, квартира 3. С. Ермолаевой.

Сочофка, я не сержусь на вас, напротив, я признателен вам за прямую и честную ответ. Но всей вероятности, и родители девочки сочли меня, невольно выразилось, чудачком. (Ответа на мои две открытки нет). И подожди! Напрасно только ты стараешься проводить какие-то анализы с тем, что было когда-то в моей жизни. Да, было... Но после этого я четыре года на фронте был, потом институт кончал... И все же я не жалею, что написал им. Если бы я не сделал этого — я бы больше жалел. Камушки я, простите, посылаю вашей Ляльке, не продавая же добро!

Спасибо за приглашение, но, очевидно, поеду не через Москву — лучше лишний денек на пляже поваляюсь. Ваш Никита».

«Москва, Суворовский бульвар, 4, квартира 34. Алёнушке Кожиной.

Так ты ж замечательно рисуешь, Алёнка! Мне очень понравился дом и деревья вокруг, только я не понял, что за красный круг с ножками нарисован перед домом: цветок или крыльцо? Мне еще долго отходить, в конце концов я раздала, что это.

Значит, тетя Соня передала тебе камушки и яблоки. А конфет я будто бы и не посылал, но иначе, как на почте вложили в ящик, узнав, что это для тебя. Но слал бы тебе немножко моря и снежных гор, как ты просила. Зато на открытке — а горы не влезут. Зато на открытке — их я вкладываю в конверт — все есть: и море с пароходами, и горы, и даже обильно; они живут на Сухумской горе в платках (потому что кусачие).

Р. С. Спасибо за письмо, милая Алёнушка. Оно обрадовало и несколько успокоило меня: я чувствовал себя неловко, написав вашей дочери без вашего на то разрешения. Не знаю, могу ли я продолжать нашу переписку?

Уважающий вас Н. Слонов».

«Москва, Кисловский переулок, 37/3 Ермолаевой. У вас добрая душа Соня я это всегда знал но сообщите бога ради как вы вручили посылку. Никита».

Книга о Герцене-художнике

Советское литературоведение обогатилось за последние годы ценными исследованиями о великом русском демократе, философе, публицисте и писателе А. И. Герцене. Проведена большая работа по созданию научной биографии этого замечательного революционного деятеля, изучены статьи его идейного развития. Но Герцен — блестящий стилист и замечательный художник слова — изучен мало.

Вполне понятен интерес, какой вызвала книга В. Путинцева «Герцен-писатель». Автор стремится воссоздать характеристику стиля, жанра, композиции, языка герценовской художественной прозы с анализом мировоззрения писателя.

Так, характер раннего творчества Герцена («Легенда», «Лициний», «Вильям Пен» и др.) с его условно-романтическим стилем, обилием аллегорических форм, риторической приподнятостью языка В. Путинцев рассматривает, как известное отражение идейной незрелости молодого писателя. Напротив, богатство реалистической палитры художника в романе «Кто виноват?», в повестях «Сорока-воровка», «Доктор Крупов» автор связывает с ростом его революционного сознания. Он приходит к выводу, что перестраивание рамок дворянской революционности, идейная близость Герцена к Белинскому, протест против самодержавия и крепостничества обусловили важные черты герценовского реализма в сороковские годы.

Обращаясь к творчеству шестидесятых годов, исследователь видит новые достижения художественной мысли Герцена в таких произведениях, как «Трагедия за стаканом проза», «Скуки ради», «Доктор, умирающий и мертвые», которым, кстати сказать, до сих пор не уделялось должного внимания. Реалистическое искусство писателя становится в это время еще более зрелым, революционно целенаправленным. Публицистические и сюжетно-повествовательные элементы уже не выступают обособленно, а образуют законченное художественное целое. Видя в этом значительные достижения Герцена-писателя, В. Путинцев объясняет их тем, что в шестидесятые годы Герцен изживает иллюзии «надласового» буржуазного демократизма, становится на сторону революционной демократии, а его критика капитализма приобретает особую силу, глубину и блеск. Эти положения доказываются и анализом заключительных глав «Былого и дум», написанных в те же годы.

Автор прав, когда указывает, что искусство Герцена отвечало всеми своими эстетическими средствами самым передовым, самым революционным устремлениям своего времени. Но надо было показать отличительные, специфические особенности мастерства писателя, его связи с реалистическими традициями передовой русской литературы эпохи 40—60-х годов. По В. Путинцеву же иногда получается, что мастерство Герцена возрастает само по себе, по мере того как писатель поднимается на более высокую ступень революционного сознания. Такое представление о взаимодействии двух моментов — идейного и эстетического, на наш взгляд, является упрощением.

Остаются в стороне и многообразные связи творчества Герцена с русской реалистической литературой его времени. В книге встречаются сопоставления историко-литературного порядка, но некоторые из них выглядят неубедительно.

Автор утверждает, например, что Герцен «беспощадно, значительно целенаправленно и определенно в своем отношении к объекту сатиры», чем Гоголь, что, в отличие от Гоголя, «отношение Герцена к своим персонажам вытекает из самого развития образа». Странно. Будто бы отношение Герцена к Негрову вытекает из самого развития образа, а отношение Гого-

ля к Собакевичу не вытекает из развития образа Собакевича? А как же вообще может быть иначе у художника? Что сатира Герцена отличалась от сатиры Гоголя качественными своеобразиями — в этом сомнений нет. Но вряд ли, например, она отличалась тем, что «острые, смелые суждения писателя, как правило, содержались в себе оценке явления». Ведь и гоголевское сравнение мелькающих на губернской башке черных фраков с мухами на куске рафинада так же содержит оценку явления, как герценовское уподобление будничника пауку или «почтенного» отца семейства тьяке.

Вызывает сомнение и другая историко-литературная аналогия — Герцен и Григорович. Говоря о полноте революционного звучания романа «Кто виноват?», автор сравнивает его с повестями Григоровича «Левеня» и «Антон-горемыка», в которых будто бы картины крепостного быта русской деревни привнесены писателем «скорее как фон для развития сюжета, чем органически необходимые звено социальной характеристики действительности». Это противоречит и духу повестей Григоровича и тому, как они были оценены передовой общественностью, в первую очередь Белинским.

Наиболее сильными сторонами работы В. Путинцева являются анализ творческой истории крупнейших художественных произведений Герцена, разыскания в области новых архивных материалов и текстов. Глубокое знание материала позволило автору по-новому проглядеть черновые автографы рукописей «Сороки-воровки» и высказать интересные мысли об этой повести, печатавшейся до самого последнего времени с существенными искажениями.

Герцен-художник полнее и ярче всего раскрыт в главе о «Былом и дум», этой духовной книге о русском народе, о его жизни, истории, настоящем и будущем.

В Путинцев убедительно показал, что глубокий анализ истории «Былого и дум» — непревзойденное завоевание жанра художественной автобиографии не только в русской, но и в мировой литературе. При этом правильно отмечается, как стирается грань между мемуарами и историческим романом, в котором громадная сила художественной типизации сочетается с полнейшей достоверностью жизненных фактов.

В целом, по сравнению с историей творческих замыслов, текстуральным анализом различных редакций художественных произведений, освещением литературно-критической борьбы вокруг беллетристики Герцена, вопросы мастерства раскрыты в книге все же недостаточно. Тщательно читатель будет отыскивать в некоторых главах книги развернутую характеристику художественных средств тех или иных произведений. Чем, например, замечательны в этом отношении «Записки одного молодого человека», кроме того, что они «явили собой значительное достижение художественной мысли Герцена» и восхитили Белинского? Или, что нового мы узнаем о Герцене-художнике в главе о творчестве сороковских годов? В Путинцев вытекает в качестве исключительной черты Герцена-художника его интерес к воздействию на человека социальной среды, говоря, что «социодогм в данном случае тесно переплетается в Герцене с художником, что определяет, в частности, композиционное своеобразие его беллетристики». Но ведь в реалистическом творчестве художник всегда переплетается с социологом, и отсюда еще ничего не следует определенного в смысле «композиционного своеобразие». Сочинения Герцена — изумительная живая школа реалистического искусства. Изучить это — это задача очень большой трудности. В. Путинцев своей книгой в значительной степени помогает поставить проблемы художественного творчества на подлинно научную основу. В этом его заслуга.

В. А. Путинцев. «Герцен-писатель». Изд. АН СССР. 1952. 237 стр.

Ю. АКИМОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ»

Закончилось продолжавшееся два дня творческое собеседование участников литературного объединения поэтов при журнале «Октябрь» на тему «Поэзия и жизнь». Вступительное слово сделал главный редактор журнала Ф. Панферов. С докладом выступил член редколлегии «Октябрь» М. Луконин.

Участники собеседования, поэты разных поколений, творчески связанные с журналом «Октябрь», Н. Асеев, С. Васильев, С. Кирсанов, И. Сельвинский, Л. Ошанин и другие — в своих выступлениях указывали, что поэты должны найти свое место в деле крупного подъема сельского хозяйства. Выступления отмечали необходимость тесного сближения с жизнью, большого внимания к темам современности.

Намерен план творческих встреч поэтов, обсуждений новых стихов и стихов, выводов из докладов и в колхозах. Лучшие стихи, образные, лирические, будут печататься на страницах журнала «Октябрь».

У ПИСАТЕЛЯ ТАДЖИКИСТАНА

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). Состоялось расширенное заседание президиума ЦСП Таджикистана. Президиум обсудил задачи таджикских советских писателей по пропаганде решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Выступивший на заседании М. Миршаркар отметил, что писатели все еще являются редкими гостями на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах республиканской области. Мало выступают в таких оперативных жанрах, как художественный очерк и документальная повесть.

Президиум наметил провести в мае пленум, посвященный задачам и состоянию критики и литературоведения в республике. В третьем квартале будет создан третий съезд писателей Таджикистана. Решено провести дискуссию о переводах произведений Маяковского на таджикский язык, совещание по детской литературе, обсуждение романа Улуг-Зода «Обновленная земля» и журнала «Шарки Сурх».

ПЕРВЫЕ ШАГИ

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). Третий год регулярно, по пятницам, собираются члены литературного кружка, организованного при редакции областной газеты «Молодой ленинец». В кружок входят рабочие, преподаватели, студенты, учащиеся старших классов средних школ.

Произведения многих кружковцев можно встретить на страницах местных газет. Часто печатаются стихи машиниста В. Мордас, пианиста Г. Демчука, учителя И. Кудрявцева. Сейчас участники кружка готовятся к вечеру, посвященному выдающемуся украинскому поэтам и прозаикам.

Новые книги

Армянские рассказы. В двух книгах. Кн. 1. Ереван. Айрепат. 479 стр. Цена 10 руб. 10 коп.

Ливанова Т. Н. Я. Мясковский. Творческий путь. Государственное музыкальное издательство. 408 стр. Цена 15 руб. 90 коп.

Манин-Сибиряк Д. Собрание сочинений. В 8 томах. Студизит, учащиеся старших классов средних школ. Цена 12 руб.

Микаладзе М. Дождевые стихи и поэмы. Перевод с грузинского. Тбилиси. «Заря Востока». 87 стр. Цена 2 руб. 90 коп.

Новиков А. Ты взойдешь, мой зорь! Роман. «Советский писатель». 595 стр. Цена 10 руб. 85 коп.

Реймерс В. В. пути. Стихи. Авторизованный перевод с литовского. «Молодая гвардия». 112 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

Салтыков-Щедрин М. О литературе и искусстве. Избранные статьи, рецензии, письма. «Искусство». 587 стр. Цена 28 руб. 65 коп.

Служу Советскому Союзу! Военные рассказы и повести молодых писателей. Воениздат. 272 стр. Цена 5 руб. 45 коп.

Тарба И. С. Первые дни. Сборник стихов. Авторизованный перевод с абхазского. «Советский писатель». 120 стр. Цена 2 руб.

Твардовский А. За далью — даль. Стихи. 1945—1953. «Молодая гвардия». 151 стр. Цена 4 руб.

Типичский образ на сцене. Сборник выказываний мастеров театра. «Искусство». 160 стр. Цена 7 руб. 80 коп.

С. МАРШАК НАШ ГАЙДАР

Когда несется звук фанфар
И флаг на мачте ждет подъема,
Нам вспоминается Гайдар.
Мы слышим шаг его знакомый.

На косягоде у Днепра
Могила тихая Гайдара.
А он у каждого косяга
Сидит, закумурившись от жара.

Он в пионерских лагерях
Живет бесшумно, как волкаты.
Его читают на морях
В учебном плавании ребята.

Веселый молодой народ
Его уносит с книжных полок.
Его берет с собой в поход
Юннат и будущий геолог.

Он никогда не будет стар.
В глаза читателям с портрета
Глядит смеющийся Гайдар.
В шинель походную одетый.

СТАРШИЙ ДРУГ

Девочка читает «Голубую чашку», заложив пальцем первую страницу книги, где портрет Гайдара. Иногда она отворачивает прочитанное, чтобы посмотреть на портрет. «Я люблю смотреть на него, — говорит она, — я думаю о нем».

Лети не всегда замечает автора книги. Арадия Гайдара знают его читатели. У него были не только книги, у него была биография. «Обыкновенная биография в необыкновенное время» — так называл он ее сам. Это была жизнь солдата революции, пошедшего добровольцем «воевать за светлое царство социализма», воевавшего за него и пыткам и пером двадцать три года и погибшего смертью храбрых за Родину, за советскую власть. Это была жизнь, полная не зря, полная «поражений и побед», решительных поступков и глубоких дум, трудных испытаний, столкновений и встреч с людьми, полная лишений и духовных богатств, радостей и бед. Подвигом он покинул свой дом в тихом уездном городке Арзамасе, и до самой смерти не было у него обжитого благоустроенного угла, он привык к походам, вся страна была ему родным домом.

«Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое вырывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес на чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза», — писал он в одной из своих первых книг.

«...Мне хочется, по тому времени, когда я был в первый раз появился на сцене или какал-нибудь другая болельщик, обреченная человека на необходимость дождаться ровно в 9, предвременно приняв порошок аспирина, — пока не наступит этот период, как можно больше перевертеться, перекрутиться в вихорватке с тем, чтоб на зыбком бархатном берегу выросло мое плечо, уже измученным, уставшим, но гордым от сознания своей силы и от сознания того, что я успел разглядеть и узнать больше, чем за это же время увидели и узнали другие».

Он исколесил всю страну вдоль и поперек: сначала в походах, как боец-красноармеец, потом как журналист-газетчик, потом как писатель, — был на Севере и на Дальнем Востоке, в Крыму и на Украине, в Сибири и в Средней Азии, на Каме и на Дону, под Рязанью и в Подмосковье. Он успел хорошо разглядеть и узнать свое время, — и его книги полны примет этого «необыкновенного времени», оживлены его бурным дыханием, говорит его языком.

И сам он был истинным сыном своего времени, человеком замечательной двадцатилетней, от войны гражданской до Великой Отечественной войны — военным и политиком, мечтателем и учителем детей.

Детям, как, впрочем, и взрослым, хотелось из книг узнать о жизни — в этом главная воспитательная роль литературы. Если б это было не так, мы не давали бы детям читать сейчас Тургенева и Гончарова, Жюль-Верна и Марка Твена, Гомера и «Слово о полку Игореве». Самая лучшая книга для детей (и для взрослых тоже), которая заставит забыть, что это «сочинение», заставит поверить, что все в ней рассказанное — правда, сама жизнь, увидит «выдуманных», созданных писателем людей, как живых, жить их жизнью, волноваться за них, любить или ненавидеть их.

Из книг Гайдара дети узнавали правду о самом важном — о том, что происходило вокруг них, в их родной стране и во всем мире. Это знание было им необходимо, как хлеб, как воздух, оно помогало им расти, делало их сильнее, подготавливало для участия в жизни. А для того, чтоб жизнь эта была им ближе и понятней, чтоб они увидели ее как бы своими глазами, Гайдар

Скоростное обсуждение

Правление Ленинградского отделения ЦСП некогда вынесло постановление о регулярных обсуждениях каждого выходящего в свет номера «Звезды». Однако эти обсуждения постепенно теряли регулярность и в конце концов прекратились вовсе. Долгое время это никого не тревожило. Наконец, спохватились и решили ликвидировать «задолженность» одним ударом: обсудить номер девять номера журнала за 1953 год. Срочно были мобилированы все библиотечные и редакционные комплексы «Звезды». Назначены докладчики специально ускорен за письменные столы. «Скорей! Скорей!», — подгонявали их телефонные звонки.

На днях это «сверхскоростное» обсуждение состоялось в Ленинградском Доме писателя. Началось оно с комического эпизода. Уже собираясь открыть обсуждение, председательствующий А. Чивилкин вдруг обнаружил, что в зале отсутствует докладчик «Звезды» во главе с ее главным редактором. Заседание пришлось отложить на полчаса. Потом — еще на полчаса.

Докладчиком было четыре: П. Далецкий, А. Дымшин, М. Ланской, П. Громов. Центральное место в сообщении П. Далецкого о прозе журнала занял роман И. Кремлева «Солдаты революции». Оценка этого произведения в общем положительная, докладчик отметил, что роман все же написан неровно и автор, явно падавший обильным материалом, часто «сбивается с ног», комкает сюжет, переходит на хронологические изложения событий. Об остальной прозе «Звезды» П. Далецкий сказал значительно меньше.

А. Дымшин, говоря о поэтическом материале журнала, отметил его обилие и разнообразие. Хорошо, что «Звезда» печатает

дал им в товарищи таких же мальчишек и девочек, сделал их героями своих повестей и рассказов.

Он очень хорошо знал всех этих мальчишек и девочек, во-первых, потому что сам был всегда немножко «взрослым ребенком, не в пошедшем значении этого слова, но... с характером младенчески-простодушным», каким мечтал видеть детское общество и умеет занять его и рассказом, и разговором, и даже игрой, приняв в ней участие; дети, с своей стороны, встречают этих людей с шумною радостью, слушают их со вниманием, и смотрят на них с откровенной доверчивостью, как на своих друзей. Про всякого из таких у нас, на Руси, говорят: это детский праздник. Вот таких-то «детских праздников» нужно и для детской литературы.

Гайдар был именно таким «детским праздником» и в жизни и в детской литературе, и дети смотрели и смотрят на него «с откровенной доверчивостью», потому что он их друг.

Пелеко и непростото быть другом ребенка. Дружба с детьми — хлопотливое и ответственное дело; она требует усилий, забот и даже таланта. Но прежде всего надо быть правдивым, надо быть самим собой. Ребенок ведь обычно сам не чувствует себя маленьким, когда ему не дают это почувствовать другие, — он живет всерьез, может быть, даже более всерьез, чем иной взрослый. Он ведь даже играет «заправду» и сердится, что взрослые ступают с ковра на пол, когда ковер — это остров в широком и бурном море. А Гайдар умел войти в игру, не нарушая ее неписаных законов, и незаметно стать в ней вожаком, сделать так, чтобы игра, становясь во много раз интересней, делалась школой жизни. Так часто бывало с ним в жизни, так было и в литературе.

Каждая его книга, рассказывая о времени, в то же время была решительным сложным «защитным» шагом на поведении целого поколения в самые трудные минуты и дни его жизни. Гайдар не боялся говорить с детьми даже о самом странном — о том, как человек убивает другого; в то время, когда идет война, дети не могут не видеть смерти, и надо научить их распознавать врага и не бояться его, а бороться с ним. «Я не хочу, чтобы рядом с нами ползала змея, обожженная тем, что ее не добило до смерти», — писал Гайдар в суровые годы борьбы за новую жизнь. Он не скрывал от детей ни трудностей жизни, ни острот ее конфликтов. Он показывал в своих книгах и войну («РВ» и «Школа»), и борьбу с кулачеством в деревне («Дальние страны»), и распавшуюся семью, из-за чего едва не гибнет ребенок («Судьба барабаника»); даже в самой ясной и радостной его книжке «Голубая чашка» есть жизненный конфликт, который мог бы разорвать (и часто в жизни разрастается) в ссору, если бы отглядела на широкий прекрасный мир, на нашу хорошую жизнь не заставляла герцов помять, что из-за разбитой, бог весть кем, «голубой чашки» и еще кое-каких мелочей нельзя развивать дружбу в доме. Гайдар не боялся говорить обо всем этом детям, показывать им правду жизни, потому что он не оставил их в эти трудные минуты, он указал путь, поможет бороться из затруднения, научит бороться. С таким товарищем не запутаешься в жизни. Счастливей конец в книгах Гайдара — не тот sentimentalный «счастливый конец», которого испокон веков требуют педагоги от детской книжки; у Гайдара это — вера в победу нашего нашего строя жизни над старым капиталистическим миром, это вера в наше коммунистическое будущее, вера в человека.

В одном из ранних рассказов Гайдара «На графиках развалюха» (где, кстати сказать, он первый из писателей в эпоху литературного увлечения «беспризорными» — «Звезда» в 1953 году излишне «уклонилась» в исторический жанр, — сказал в своем выступлении И. Луговцов и поставил в пример журналу «Юность») по очень активизированным «Ленинградским альманахам» в двух номерах альманаха, вышедших в прошлом году, 99 процентов материала посвящено современным темам. В этом отношении он, несмотря на молодость, оказался вперед солидной, «зрелой» «Звезды!» Со времени сентябрьского Пленума ЦК КПСС прошло чуть ли не полгода, а в журнале нельзя найти ни одного материала, где были бы как-то отражены решения Пленума.

В прениях выступили еще два оратора, после чего В. Друзин, признав правильность большинства критических замечаний и не согласившись с Н. Луговцовым, который, по его мнению, сужает понятие современной темы, рассказал о планах журнала.

Совершенно очевидно, что такое белое обсуждение мало поможет редакции журнала. Несерьезное отношение правления Ленинградского отделения ЦСП к своему журналу проявилось и в том, что в спешке издались «звездные» альманахи, а в журнале не было специального доклада, не только не было специального доклада, но и участники обсуждения о драматургии не сказали ни слова. А ведь в обсуждавшихся номерах напечатано целых пять пьес!

...Так прошло это «сверхоперативное» обсуждение.

В прениях выступили еще два оратора, после чего В. Друзин, признав правильность большинства критических замечаний и не согласившись с Н. Луговцовым, который, по его мнению, сужает понятие современной темы, рассказал о планах журнала.

Совершенно очевидно, что такое белое обсуждение мало поможет редакции журнала. Несерьезное отношение правления Ленинградского отделения ЦСП к своему журналу проявилось и в том, что в спешке издались «звездные» альманахи, а в журнале не было специального доклада, не только не было специального доклада, но и участники обсуждения о драматургии не сказали ни слова. А ведь в обсуждавшихся номерах напечатано целых пять пьес!

...Так прошло это «сверхоперативное» обсуждение.

разоблачил сомнительную романтику беспризорности) есть такой разговор двух мальчишек:

«— А как, Яшка, героем сделаться? — Панфилов говорит, что для этого нужно гнать нечисто белых и не отступать перед ними.

«— А ежели красных гнать? — А ежели красных, так значит ты сам белый, и я вот тебя как тресну по локтеку, тогда не будешь трепашей!..»

Для этого мальчишки не могли быть двойного решения. Правда была одна, настоящий герой мог быть только красным... Это было credo и самого Гайдара; ясность и категоричность этого и сделали его детским писателем.

Мы любим Гайдара, мы вспоминаем его часто, мы говорим о нем хорошие слова. Есть уже книги, написанные о нем самом, есть и книги, в которых авторы декларируют свою любовь к нему и намерены продолжать его путь. К сожалению, это пока мало улетает. Гайдар по-настоящему еще не раскрыт и не понят, мне кажется, детскими писателями. Вспоминают чаще всего веселые и забавные происшествия, случившиеся с ним, иногда ни инспирированные: в них виден неистовый запас выдумки, хороший русский юмор, иногда смелость, знание людей и детей, детская способность «вираться»... Но, когда слышишь или читаешь о Гайдаре только эти «анекдоты» (под которые иногда хотят подставить педагогическую базу), думаешь: незачем; это не весь Гайдар, даже не «главный». Читая его дневники, видишь, как ему трудно было работать в литературе, в каких подчас тяжелых условиях приходилось ему писать и как требователен он был к себе.

Обончив «Военную тайну» и прочтя ее через несколько дней, он пишет в дневнике категорическое заключение: «никуда не годится» и окружает этот приговор траурной рамкой. А потом начинает ее всю переписывать заново.

Иногда пытаются объяснить «секрет» гайдаровского воздействия на детей тем, что он умел сочетать «приключения» с «психологией», занимательность сюжета с развитым характером. Да, он умел это делать, как никто в нашей детской литературе. Но это возможно только при том знании жизни и знании детей, какое было у него. Мы еще не сказали в полный голос о том, что Гайдар был дальновидным и умным писателем, о том, что он умел думать политически, что он знал одно руководство в жизни — руководство партии, что именно понимание всего происходящего в стране и четкая позиция давали Гайдару возможность каждый раз говорить с детьми о самом главном, о самом важном в тот год, в то время, в тот исторический момент. Он твердо знал, о чем нужно говорить с детьми, и умел говорить с ними смело, искренно, честно, как товарищ, как старший друг, который всегда так нужен ребенку.

Ему не хватало мастерства, он мучился над словом, иногда повторял интонации писателей, у которых сам учился, кого любил. Он любил Гоголя, и отголоски гоголевских лирических отступлений есть в книгах Гайдара. Он был реалист, и ему с трудом давалась сказка. «Мальчиш-Нибальчиш» мог быть сильнее — ему не хватило как раз реалистических деталей. В последней своей сказке «Горючий камень» Гайдар понял это. А у нас иногда следуют как раз недостаткам Гайдара — вспоминают хотя бы «сказку о ветрах» и «командосов».

Гайдар родился пятьдесят лет назад. Он казался бы стариком сегодняшним школьникам. Но мы помним Гайдара молодым, и молодым он навсегда останется в своих книгах. Те, кто знал его живым, кто был его товарищем, в конце концов, знают его лишь немногим больше, чем те, кто читают его книги: в книгах ведь самое главное от Гайдара, самое ценное и живое.

Вера СМРНОВА

«Москва, Кисловоцкий переулок, 37, квартира 3. С. Ермолаевой».

Нет мне оправдания, Соня, а — неблагородный человек, по... виновнику годовую меч не сечет. Лучше порадуется за меня, Соня. Раньше я думал, что существует какой-то «мой» тип женщин, среди них мне и предстоит найти свою избранницу. Чепуха все это! Вот я не искал ее, а она нашла, а и нет жизни без нее, все оказывается связанным с ней...

Мое появление после вашей телеграммы было неожиданным для Ольги; она широко раскрыла глаза, увидя меня в дверях. Алёнка же запылала на кровати, вопил: — Приехал! Приехал! Приехал с охромой!.. И залезала, вспоминая, как мать говорила ей, что я не приеду больше; у нее еще держался жарок и она весь день кускалась... Когда мою шею обвили худенькие горячие руки Алёнки, я понял, что никогда уже не смогу обмануть ее ожиданий. Девочка уснула, мы вышли на бульвар.

— Е сожалению, я не могу ходить далеко. Алёнка может проноситься каждую минуту и позвать меня. Если я буду нужна — мой отец поставит лампу на подоконник, это условный сигнал... Она рассказала мне о своей жизни, об отце; матери у нее нет. Сейчас они дружно живут, а вначале отец в узас пришел, узнав, что будет делухой. Он и сам не старший еще, и комнаты у них маленькие, а у него много работы домашней. Ребенок, писк, пеленки...

Мы говорили с ней в этот вечер о самых различных вещах, и столько общего во вкусах, в симпатиях, в отношении к жизни оказалось у нас... Я вспоминала любимое стихотворение — Ольга заканчивала начатую мной строфу, она высказывала какую-нибудь мысль, а я продолжал и развивал ее, как свою. Мы кружили какими-то темными переулками, все время возвращаясь в ее дом.

На следующий день Ольга не пошла на работу, Алёнка еще не вставала. Мы вместе готовили обед, читали по очереди вслух сказку про Элизу и одиннадцатый ее братень-лебедь. И смеялись, все время смеялись без причины... Алёнка даже обиделась: — Ты все с ней и с ней смеешься, а со мной — нет!..

Ольга шутила, а глаза ее были задумчивы и печальны. Когда она вышла проводить меня, — мне пора было в аэропорт, — я спросил: — А почему глаза такие? — Просто устала. Плохо спала эти дни из-за Алёнки... Но идти домой отозвалась и проводила меня до автобуса.

И ей рассказал по дороге о своей работе, о рассветах на Волге, о большой плетине поперек реки, которую мы с дедом начинаем намыывать. В ее глазах что-то словно блеснуло. — О чем, Ольга? — Честное слово, ни о чем. Просто позавидовала: какие бывают счастливые профессии на свете. А я никак дальше Подмосковья не выезжала. И моря ни разу в жизни не видела... Ты все еще увидишь, Ольга! — С Алёнкой-то? — Не только с ней. — Я смотрел в ее глаза: — Не верят? — Хотят верить? — Она опустила глаза.

Вот и все, Соня! Вы должны простить меня за то, что я опять не позвонил вам. Волею, думаю, уже простил; он-то понимает, что значит найти в жизни свою Соню (даже если ее зовут иначе).

Товарищи наши меня переменявшими в лучшую сторону, а мой начальник сказал: — Что значит человек на юге побывал! Как заново родился!..

Перемычка моя стоит, как скала! Сейчас мы соорудим посреди Волги опоры для подвесной дороги. Волею идет работка, товарищи! И столько сил во мне теперь — Жигули свернуть!

Порадуיתי, друзья, за ставившего из Никиты.

«Москва, Суворовский бульвар, 4, квартира 34. Ольга Кожинной».

Оленька, задержал ответ до тех пор, пока все для вас не узнал. С осени мы приступаем к постройке нового детского сада, настоящего Дворца детей. Значит, уже в следующем году нам потребуются воспитатели. А пока вы могли бы поработать в нашей изыскательской экспедиции. Им нужны работники решительно всех специальностей, набирают людей и без специальных знаний. Экспедиция — огромный учебный комбинат на ходу. После двух месяцев подготовки колхозные девочки с семилетним образованием становятся коллекторами, младшими сотрудниками лаборатории. Заработок: от 500 до 1.000 рублей в месяц, плюс полевые. Кроме того, нужен руководитель самостоятельности для нашего просторного клуба — это тоже по вашей части. Я уже говорил с предштруйкома, он жлет вас.

Алёнка может пока что поспать в детском сад постройке (где — увы! — полный штат воспитателей). Туда ходят дети моего большого друга, заместителя главного геолога экспедиции Бориса Константиновича, — а вам рассказывал о нем в Москве (который существует со стройки на стройку с семьей, библиотекой, шинином, псом и двумя кошками). Борис Константинович весьма положительно отзывался об

этом десятке. Он же берет принять вас на первое время в одной из трех комнат своего сборного финского домика. Начальник участка общала выделить мне две комнаты в новом сборном домике, если действительно придет мой семья. Он говорит: — Или ты бросишь семью и я должен презирать тебя, или ты дурак, что до сих пор не зарыл их стая... Пусть уж лучше считают меня дураком!

Посылаю Алёнке акварель — вид на Жигули. Это работа Бориса Константиновича, он увлекается живописью. На обороте рисунка вы увидите надпись: «Хочешь ли ты жить на Волге?» Если вы не решитесь ехать (о чем я и слышать не хочу), то не читай ей эту надпись.

Простите, что пишу коротко и сумбурно: с Камы прибыли плоты, нужно отобрать лучший лес для опор.

Алёнку целую, вас — не решаюсь. Ваш Никита».

«Алёнка, милая моя доченька, значит, на вопрос: «Хочешь ли ты жить на Волге?» ты спросила только: «Всегда!» Ну, конечно, всегда. Теперь ни когда будем жить вместе с тобой и мамой, и сидеть тоже вместе, и в Волге купаться, и стирать!ю довить — это самая важная на свете работа, и в лес ходит по грибы да по ягоды — для тебя уже саят новый лес. А пока ты будешь жить у Жигулевских гор, около будущего моря, да не на дне его, так что камушков тебе хватит — не бери из Москвы».

ЗАПАДНОБЕРЛИНСКИЕ ТЮРЕМЩИКИ КУЛЬТУРЫ

21 февраля — Международный день борьбы против колониального режима

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОЛОНИЗАТОРОВ

Международная почта

Американская политика опорных пунктов... Рисунок из немецкой газеты «Нейе Дойчланд»

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ПРОВАЛ

Наиболее рыцарские сторонники «европейского оборонительного сообщества» во Франции развернули кампанию за ратификацию парижского договора. Себе в помощь они привлекли руководителя антикоммунистической пропагандистской организации под названием «Мир и свобода» Жан-Поль Дэвида.

Как сообщила на днях французская газета «Либерасьон», Жан-Поль Дэвид начал собирать подписи под воззванием в пользу проекта «европейского оборонительного сообщества». Однако эту затею постиг феноменальный провал: несмотря на все усилия, ему удалось собрать лишь... 20 подписей!

ИТОГ ОДНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Несколько лет назад католическая церковь Франции с благословения Ватикана решила предпринять своеобразный эксперимент. Французский епископат стал направлять священников на заводы и фабрики с тем, чтобы они работали на предприятиях и жили вместе с рабочими.

Сейчас эксперимент прекращен. Как сообщила французская и итальянская газеты, по распоряжению Ватикана французский епископат запретил священникам работать далее на заводах и фабриках. Что же вызвало это запрещение?

Оказалось, иезуитский замысел «святого престола» потерпел полный провал. Постепенно уходило среди рабочих и на собственном опыте убедившись в ужасах эксплуатации, которой подвергаются трудящиеся, некоторые священники пришли к мысли о необходимости борьбы за права народа, за мир.

Парижская газета «Монд» пишет: «Этим людям, живущим в хороших условиях, хорошо одетым и располагающим порядочной суммой денег, кажется, будто современное общество представляет собой гармоничное целое, в рамках которого социальные классы легко могут осуществлять идеальное сотрудничество. Когда же человек живет среди бедных и униженных, когда он оказывается даже не по ту сторону баррикады, а хотя бы по ту сторону существующего барьера, когда человек и неуверенность в своем завтрашнем завтрашнем становится его постоянным спутником, то преклонение немедленно меняется. Он начинает думать, что его угнетают и что нужно прежде всего положить конец этому гнету, чтобы затем дать людям возможность действительно стать друг для друга братьями».

Итак, подготовив кадры штрейкбрехеров и таким образом нанеся предательский удар французскому рабочему движению Ватикану не удалось. Вся эта история лишний раз раскрывает реакционную роль верхушки католической церкви.

НЕУДАВШИЙСЯ ЗАМЫСЕЛ

Американского генерал-майора Уильяма Дина почти не коснулось тяготы войны — он носил корейскую военную форму, но в начале войны генерал-майор попал в плен, а после подписания перемирия был репатриирован в США.

И вот там-то, на родине, ему пришлось по-настоящему туго. За него ввязалась американская пропаганда.

Некогда провинциальные базарные фотографы предлагали клиенту протиснуть голову в овальную дыру, прорезанную в полотне, на котором был нарисован, скажем, лхак кавалерист на вздыбленном скакуне, затем следовало традиционное: «Спокойной ночи!» и клиента запечатлевали в этом ультрагероическом виде. К приезду Уильяма Дина в американских пропагандистских мастерских была изготовлена серия размалеванных полотен с вырезанными овалом.

Дину оставалось лишь просовывать в них голову и придавать своей физиономии соответствующие выражения. По тут произошла в некотором роде описка...

Сначала пропагандистские мастера возмарились упростить обществу фантазий на тему «Дин — героическая личность». Генерал-майору было поручено приступить к работе, приняв соответствующий вид сорняков. Дин сказал, что ему «приятно слышать». Дин сказал: «Сатерлей ввинит пост» — он действительно признался: «Я лично не присутствовал на месте действия звезды за то, что я делаю». И он прав. О том, что делал Дин в плену, знает некоторое представление следующая цитата из его статьи: «Лучший способ убить муху — ударить ее, когда она ползет или когда она останавливается, и слегка присев, принимаешь ее у себя передние лапки. Я прихлопнул 40671 муху за три года... Действительно, за такой «героизм» и героической звезды много!

Далее Дину предложили предстать перед американским народом в виде великодушного. Своим рассказом он должен был подкрепить усиленно раздуваемую в США сказочную версию о «зверствах красных в Корее». Упомянувшийся уже американский журнал «Сатерлей ввинит пост» начал печатать серию статей Дина, сопровождаемых соответствующим иллюстрациями на обложку журнала: «Наконец-то генерал Дин рассказывает историю о том, как его захватили в плен, пытали и держали в заключении».

Однако, судя по первым двум статьям этой серии, Уильям Дин основательно подвудил журнал. Извиняющимся тоном он заявил, что его история — это «приключение без героя». А затем он откровенно сообщил: «Меня не пытали»; «...Меня кормили и, в конце концов, я даже привик к местному блюду кимчи»; «Его рассказ претит признаниями вроде: «Я принял душ, меня постигла и побири»; «Мне дали койку с матрасом, подушками и даже простынями и принесли превосходный завтрак»; «На следующее утро пришел доктор. Он очень внимательно обследовал мою грудную клетку, прослушал легкие и дал лекарство...»

Так генерал-майор Дин отдал свою клятву в великодушности. Что бы он ни говорил, спохватываясь, в будущем остается фактом, что он испортил обликом американской пропаганды. Его признания тем более любопытны, что Дин был и остается типичным представителем американской военной машины. Статьи его переставили злобными выпадами против Кореи Южной Республики, ее народа. Он, безусловно, не постеснялся бы представить себя «великодушником», когда бы не боялся быть уличенным во лжи. А сделать это было бы нетрудно, напомнив хотя бы заявление Дина в сентябре 1953 года, через несколько часов после освобождения из плена, о том, что «коммунисты не оскорбляли» его.

Что знает, быть может, признания Дина: «Меня не пытали, меня кормили», — заставил сенатора Маккарти истерически и принятый спохватываясь, в будущем, остаться в лапы инквизиторов из комиссии Маккарти. Дину придется долго доказывать свою «спорочную любовь». И вот это уж действительно будет пыткой для генерала Уильяма Дина!

«Помогите вернуться из России, прошу о скромном подаянии!», — молотило бубнит сидящий на тротуаре одной из улиц Западного Берлина несчастного вида человек. На нем грязный ватник, разорванные ботинки, старая шапка лежит у ног на земле. Жалобы нищего — в тон измышлениям западноберлинских реакционных газет, печатающих злобные и дикие антисоветские небывалые, выдаваемые за «рассказы» бывших военных.

Но вот «сеанс» окончен, попрошайка скрывается в карман дневной улов и скрывается в подворотне. Через некоторое время оттуда выходит щеголеватый мужчина, одетый в рыжий пиджак и синий свитер, в новых ботинках и желтом шарфе, небрежно накинутым на шею. Лишь трость выдает его: эта же трость была и у нищего...

Народная полиция ГДР задержала этого человека в демократическом секторе Берлина, где он пытался спекулировать различными товарами, и тогда выяснились интересные подробности о любителе трансформаций. Оказывается, Пауль Кноль никогда не был в советском плену. Проходимец просто решил использовать стандартные «мотивы» живой бонско-американской антисоветской пропаганды для своего мелкого «бизнеса». И выгодно, и от аденauerских властей можно ждать благодарности, — того и гляди, в штатные пропагандисты зачислят...

В самом деле, дать концерт собрался известный всему миру (кроме разве сенатора Тибурциуса) оркестр Дрезденской государственной оперы. Уже того, Тибурциус узнал, что на концерте должен выступать советский скрипач, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Давид Ойстрах — Ойстрах, который совсем недавно играл перед дипломатами, съехавшимися на Берлинские совещания.

Но и это еще не все. Тибурциус надеялся было, что жители Западного Берлина не рискнут пойти на концерт «дезертов» скрипача, который собрался выступить с классической музыкой Моцарта, Штрауса и Чайковского в том самом Спортпаласте, где до сих пор почитается обычно только американский джаз. Однако расчеты Тибурциуса провалились. Жители западных секторов столицы буквально штурмовали театральную кассу. Уже во вторник (концерт был назначен на четверг) нельзя было достать билета.

По мнению жителей — одно, а поступки Тибурциуса — другое. То, что он сделал, западноберлинская бульварная газета «Дер Абенд» сформулировала в следующей фразе: «После вмешательства культуратора доктора Тибурциуса дирекция Спортпаласта оставила и мысль о концерте».

Едва ли в Западной Берлине найдется чувак, который откажется утверждать, что сенатор Тибурциус хоть немного разбирается в культуре. Ужало западноберлинского театра и музыкальной жизни красноречиво говорит об этом. Своим новым «деянием» Тибурциус помешал жителям Западного Берлина слушать Ойстраха. Зато теперь они вдоволь слушают насмешки над сенатором по делам культуры.

Впрочем, от г-на Тибурциуса и его коллег в западноберлинском сенате мы и не ожидали ничего другого. Какой скандал испытывает вся эта клика даже перед скрипкой, если скрипка — советская! Не станет ли эта скрипка, шепчут в западноберлинском сенате, составной частью «опасности с востока», о которой так часто пишут борознисты из «Тэгешпегеля» и других реакционных газет. Если теперь все заравнослышавшие люди издеваются над Тибурциусом и западноберлинским режимом, то они делают это по праву. Кто знает, если бы сенатор проглотил не так громко, то, может быть, в Берлине его и не называли бы ныне глупым гусаком?

Однако шутки в сторону. Эта история имеет серьезную подоплеку. Хотя провокация западноберлинского сенатора сама по себе не так уж важна, она отражает тот злобный дух ненависти и ревности, который царит в определенных кругах Западного Берлина и Западной Германии. Мы говорим здесь о тех реакционных кругах, которым даже одна мысль об ослаблении международного напряжения кажется вестерной.

Правда, для отвода глаз и в этих кругах порой играют в миролюбие. Вот, например, бургомистр Западного Берлина Шрейбер пишет письма верховным комиссарам. На словах он фарисейски предлагает «улучшить связи» между Восточной и Западной Германией. Очень хорошо! Но каждому известно, что эти связи должны иметь конкретную форму и ясное содержание. Они призваны служить целям экономического сотрудничества, содействовать обмену культурными ценностями. Но у господ Шрейбера и Тибурциуса опять-таки особые взгляды. Во всяком случае в Западной Берлине создан полный простор для деятельности многочисленных диверсионных и шпионских организаций, направленных против Германской Демократической Республики.

Тем не менее правящие круги в Западной Берлине, как и в Бонне, довольно часто отказываются утверждать, будто они «стоке» за мир и «дружбу» со всеми народами. Какова подлинная цена этих «дружеских» чувств, видно, в частности, и из того факта, о котором мы здесь рассказали.

Т. КОНРАД
БЕРЛИН, 19 февраля. (По телефону)

В Западной Берлине сенатом именуется муниципальный совет, который находится в районе Шенберг.

По всей Франции разрастается движение против ратификации парижского договора. На фото: сбор подписей под петицией протеста против создания «европейской армии» в горячечном посещке Ле Мартино (Севенский угольный бассейн).

Снимок из немецкой газеты «Ди Фрау фон Хейне»

Завтра народы всех стран мира в сельмовый раз будут отмечать Международный день борьбы против колониального режима. В этот день с новой силой проявится солидарность всех честных людей земли с многомиллионным населением колоний, подвергающимся гнету империалистических держав. Дружеская поддержка всего прогрессивного человечества возмущает колониальными народами еще выше подняты знамя борьбы за свое освобождение, за мир и хлеб.

Земля горит под ногами колонизаторов. Колониальные пламени справедливой национально-освободительной борьбы. Своим бесчинием и злобой империализма вымещают в жестоких расправах над жителями колониальных стран.

Вот несколько фотографий. Каждая из них — свидетельство новых преступлений колониального режима.

Снимок сверху — фотодокумент, подтверждение преступления английских колонизаторов в Кении. Этого негра англичане обвинили в «терроризме». Судьям долго охотились за ним, словно за зверем. Наконец им удалось схватить его, и он был брошен в камеру. И что же оказалось? Когда труп обыскали, у негра нашли следующие «улики»: несколько сырых картофелин, кусок мыла, страницу из Библии...

Этот снимок имеет любопытную историю. Он сделан бывшим младшим лейтенантом английских войск в Кении Дэвидом Лардером. В опубликованной на страницах «Дейли уорнер» беседе с Лардером последний рассказал о днях преследования, которым подвергается население Кении со стороны британских войск.

По словам Лардера, английское командование воспитывает в солдатах «чувство превосходства белых над черными». Лардер говорит: однажды он выразил старшему полицейскому офицеру свое недоумение в связи с тем, что милиция нескольких тысяч негров была без всякой нужды уничтожена, а сами негры заключены в железные клетки. «Подожди зерем в шире». Офицер спокойно ответил: «Нечего их жалеть. Это ведь не люди, а свиньи». Дэвид Лардер подтверждает тот позорный факт, что «мелкие английскими частями устранились соревнования по убийству негров». В знак протеста против бесчинств, творимых англичанами в Кении, младший лейтенант Лардер не подчинился приказу командира. По решению военного суда он был уволен из армии. Уволен за то, что выполнил долг честного человека.

«Убивать любого цветного» — таков неписаный приказ, действующий в английских колониальных войсках в Кении, где стремление народа к свободе и независимости растет с каждым днем. В Кении британские офицеры-каратели «совершаются» между собой: кто больше убьет местных жителей. Вот цифры, по-

чернившие из английских источников с октября 1952 по октябрь 1953 года в Кении было убито 5 тысяч африканцев, а 28 тысяч — брошены в концлагеря.

Женщина в страхе разводит руки. Она не знает, где скрывается ее муж — участник патриотического освободительного движения в американском владении Пуэрто-Рико (снимок внизу справа). Не знают этого и дети, испуганные угрозами американских солдат. Что может ожидать эту женщину, если она ничего не скажет, предугадать не трудно: сотни пуэрто-риканских патриотов уже брошены в тюрьмы, мужья разлучены с женами, дети — со своими родителями.

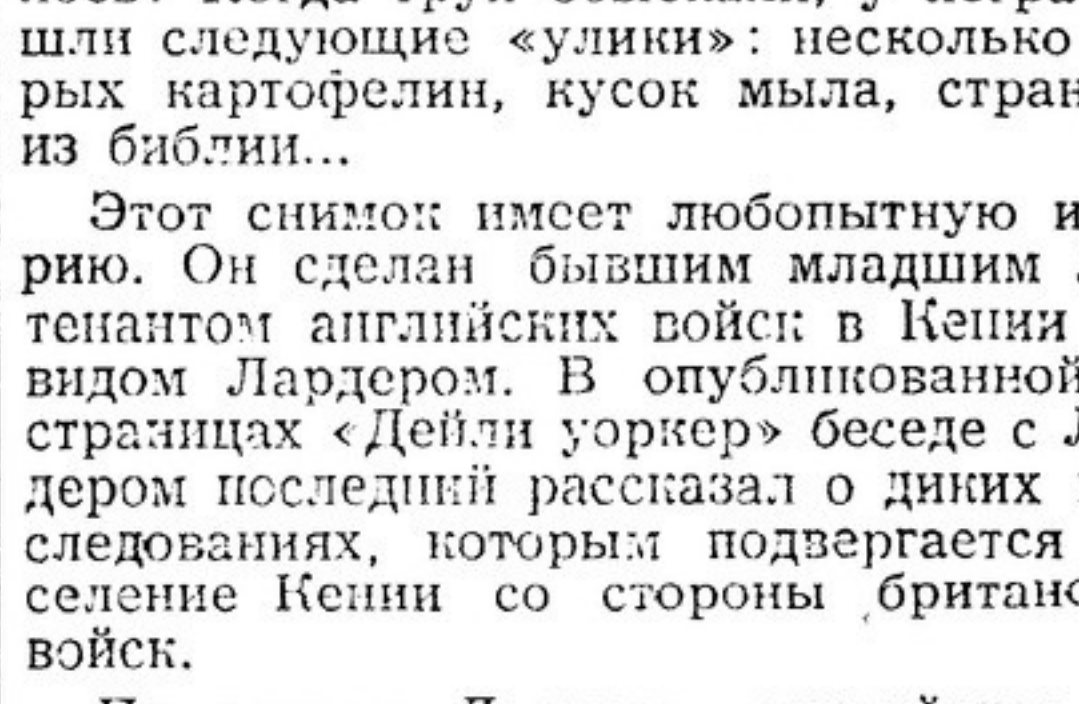
Трубадуры американской пропаганды уверяют, будто Пуэрто-Рико получило самоуправление и больше не является колонией. В действительности же, как свидетельствует аргентинская газета «Ла Эпока», американские власти создали там «самые ужасные условия рабства».

Снимок внизу слева мы хотим предвредить небольшой выдержкой из статьи корреспондента английского прогрессивного журнала «Уорлд Ньюс энд Вьюс», который недавно побывал в Малайе. «В Европе», — пишет корреспондент, — нет ни одной группы, которую можно было бы хвалить в каком-нибудь отношении сравнить с «обычными» трубочками Сингапура... Болели, паразиты, рожь неизменно сопутствуют жителям этих трубочек. Даже по колониальным понятиям все взрослое население и дети голодают и никогда не достигают нормального веса... У рабочих нет возможности купить новую одежду или новую обувь для замены износившейся... Неопытная нищета, господствующая в больших и малых городах, несомненно, имеет мало себе равных в мире».

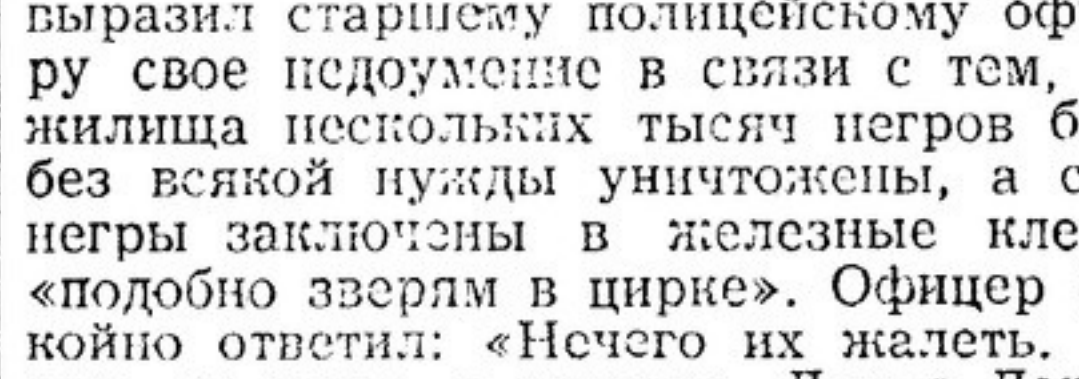
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

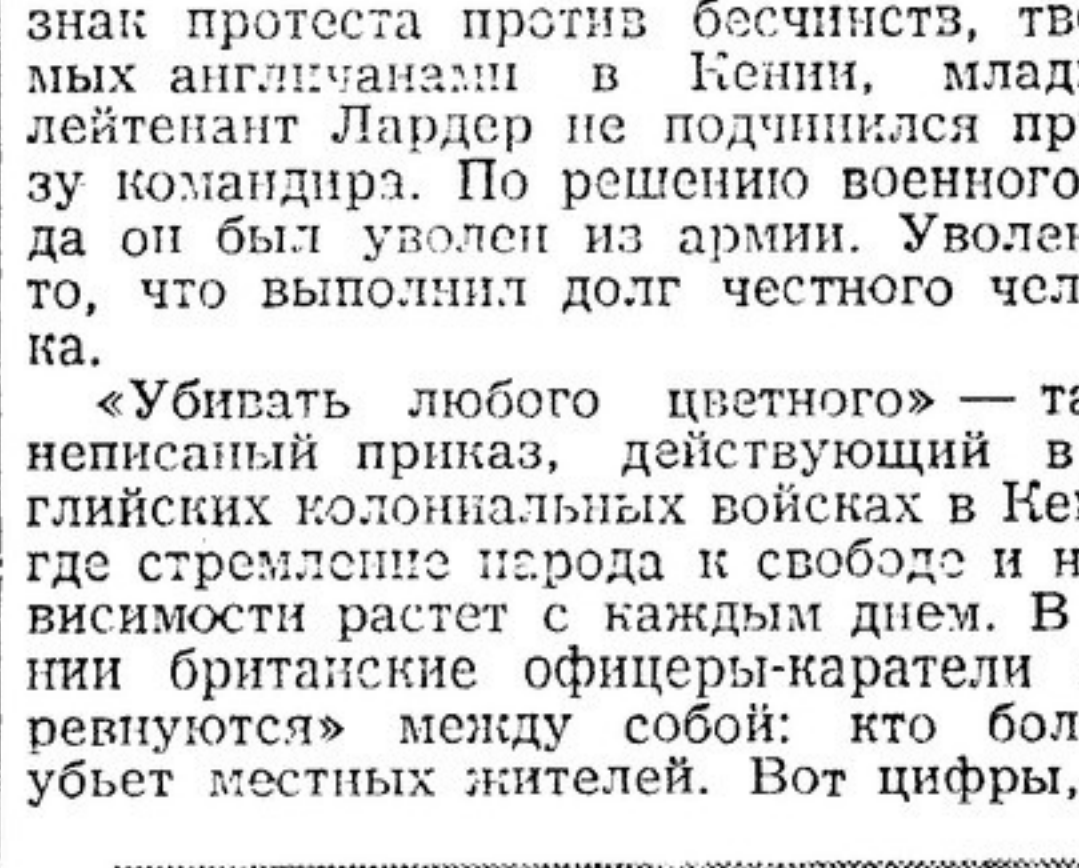
Женщина в страхе разводит руки. Она не знает, где скрывается ее муж — участник патриотического освободительного движения в американском владении Пуэрто-Рико (снимок внизу справа).

Не знают этого и дети, испуганные угрозами американских солдат. Что может ожидать эту женщину, если она ничего не скажет, предугадать не трудно: сотни пуэрто-риканских патриотов уже брошены в тюрьмы, мужья разлучены с женами, дети — со своими родителями.

Трубадуры американской пропаганды уверяют, будто Пуэрто-Рико получило самоуправление и больше не является колонией. В действительности же, как свидетельствует аргентинская газета «Ла Эпока», американские власти создали там «самые ужасные условия рабства».

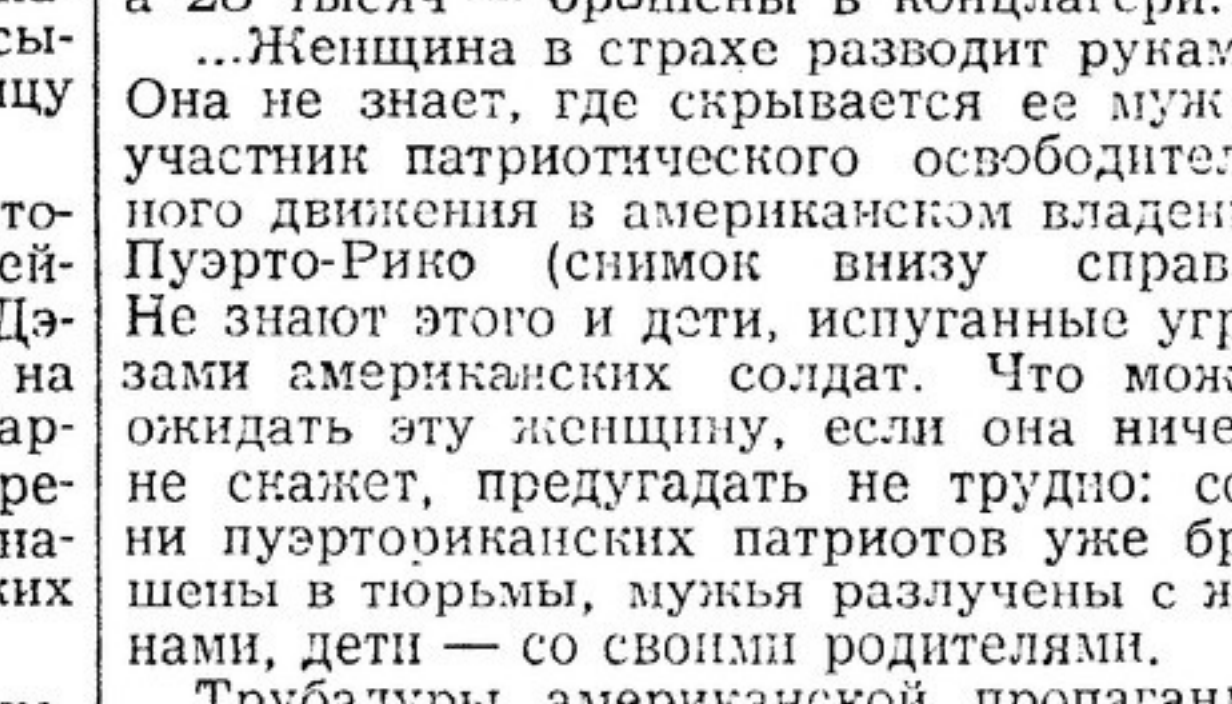
Снимок внизу слева мы хотим предвредить небольшой выдержкой из статьи корреспондента английского прогрессивного журнала «Уорлд Ньюс энд Вьюс», который недавно побывал в Малайе.

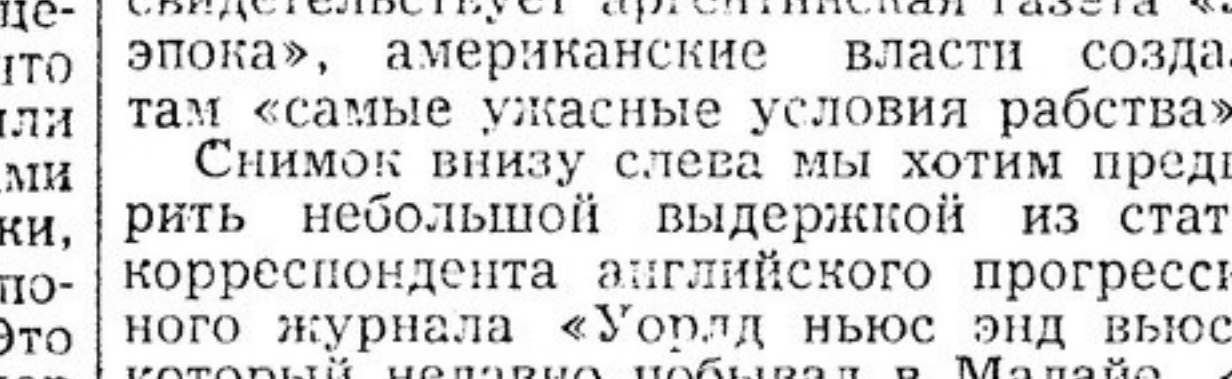
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

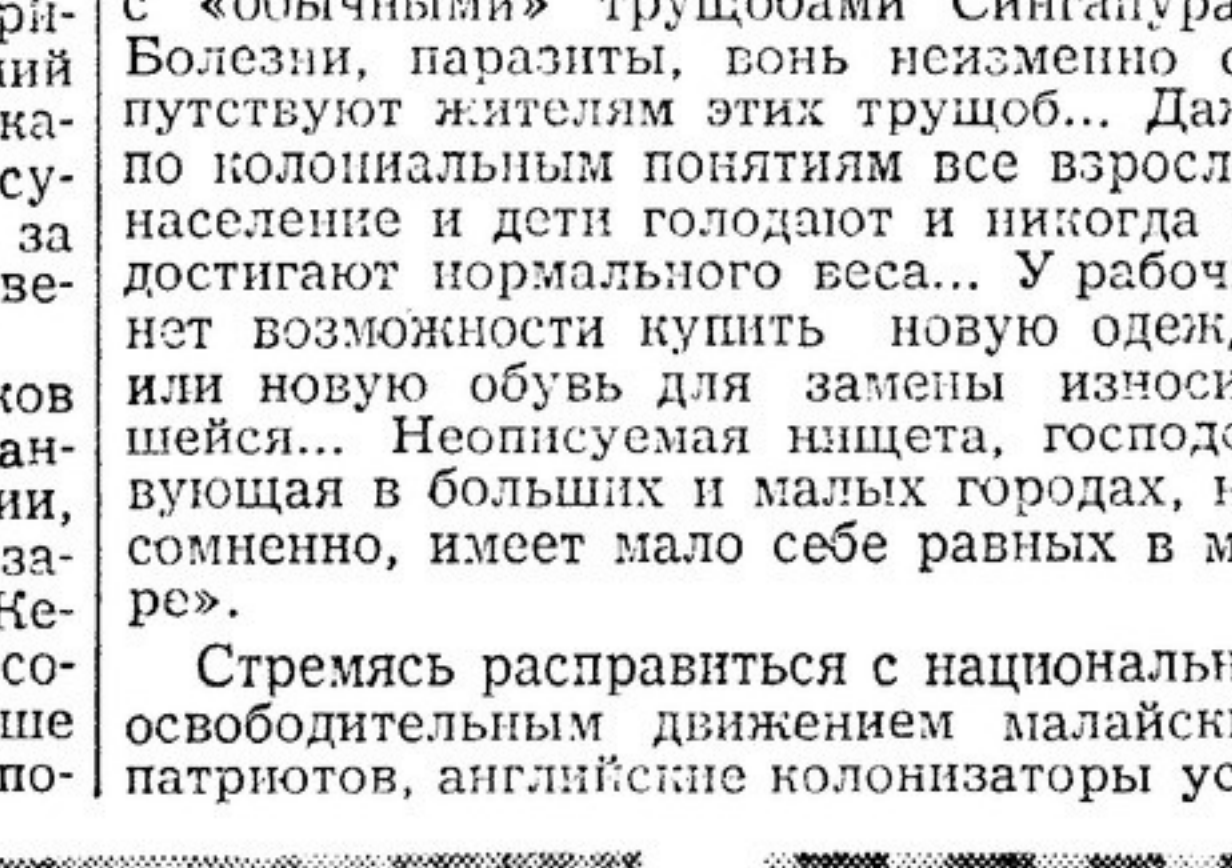
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

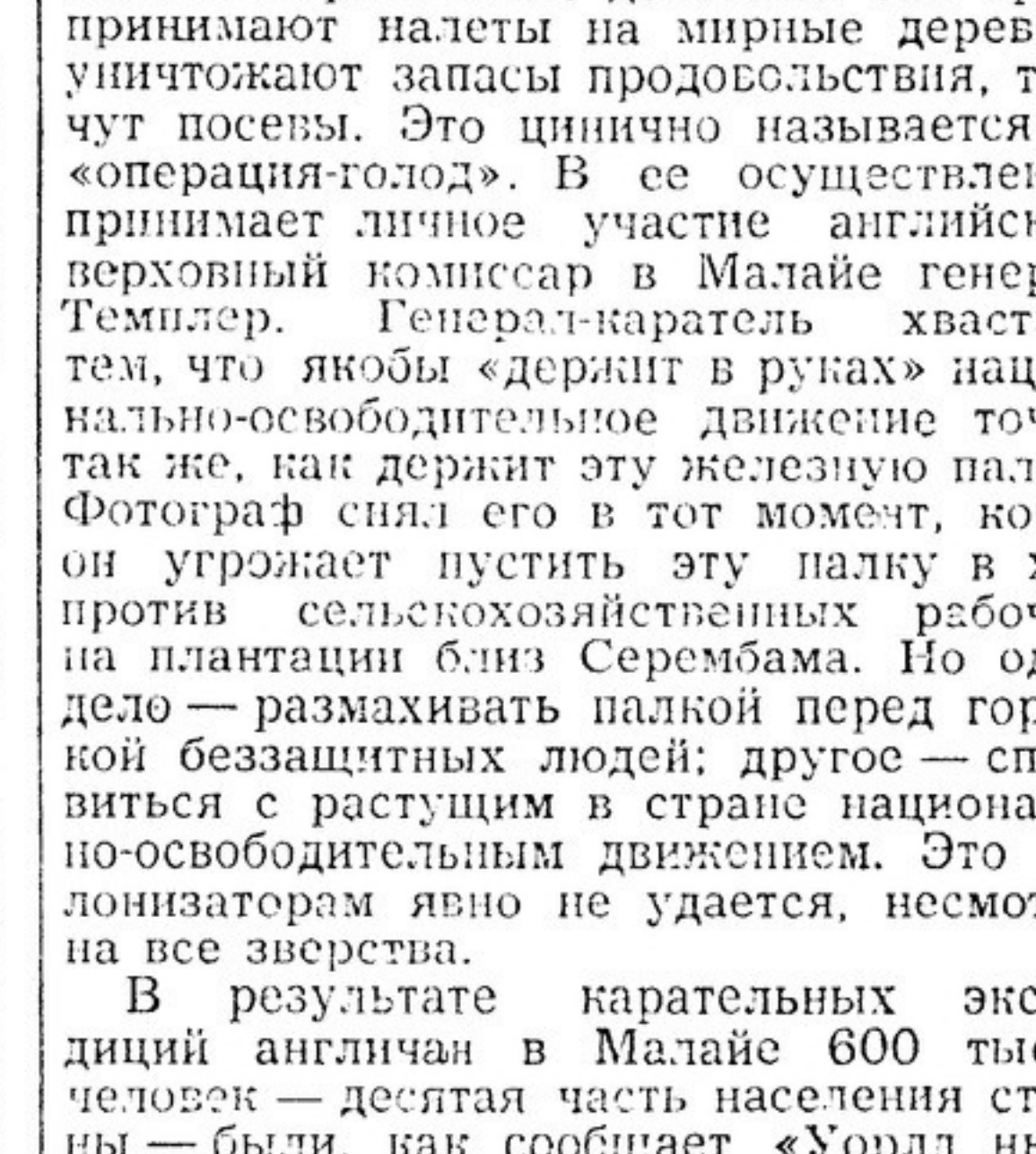
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

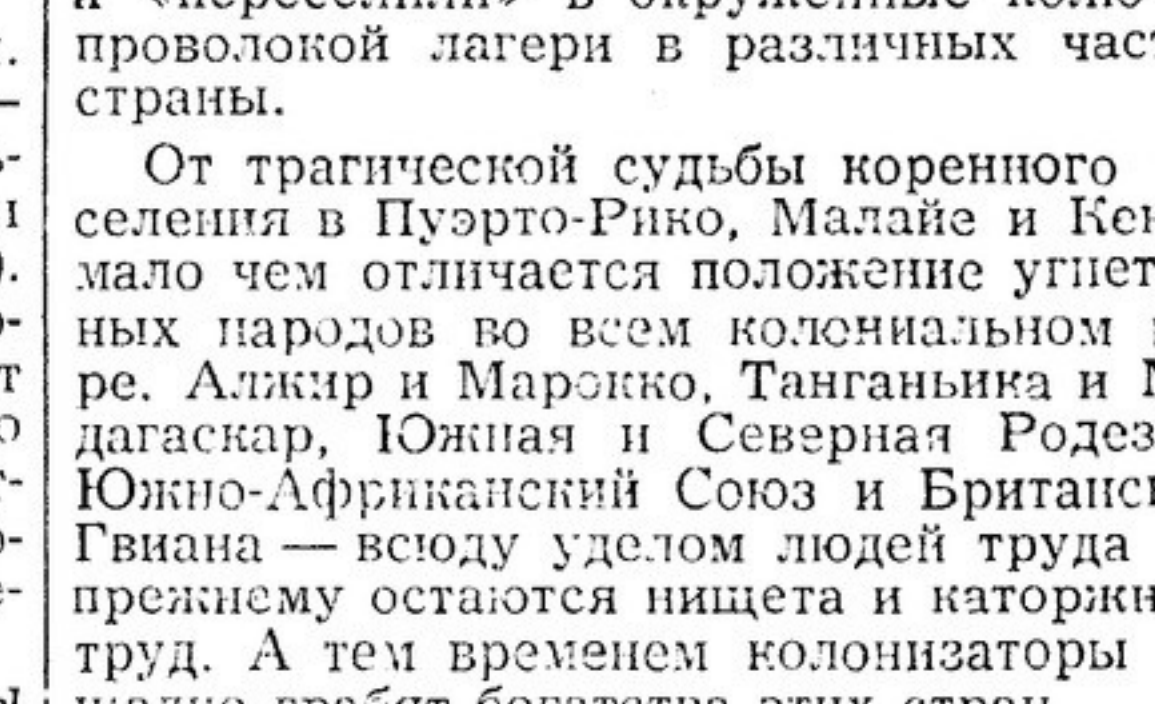
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

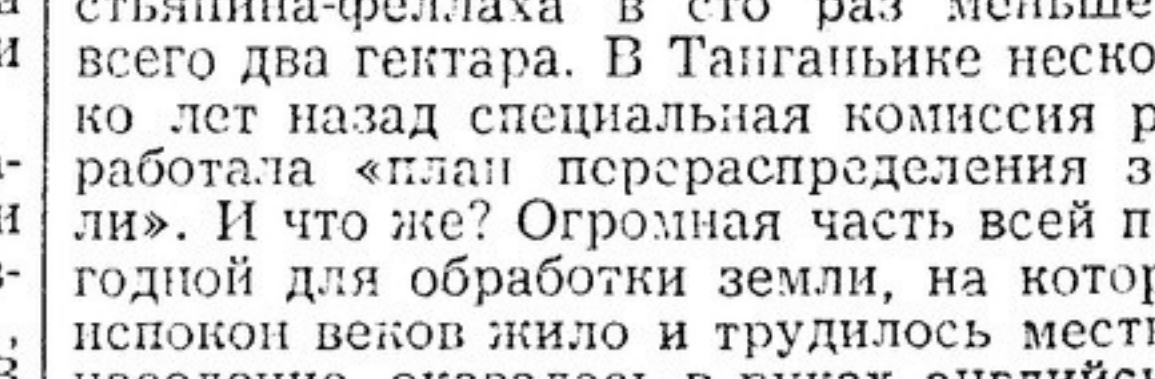
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

ЖИЗНЬ НА ОСТРОВЕ КУБА

А. РЕСТАНО, кубинская общественная деятельница

Тут-то и возникает ряд «но»... Прежде всего этому мешает экономическое господство североамериканского империализма в нашей стране. Монаполия США владеет на Кубе огромными пространствами земли. Хотя земля эта принадлежит кубинцам — ведь она находится на Кубе, — мы не можем возделывать ее ни для удовлетворения потребности внутреннего рынка, ни для развития собственного экспорта. Нам предоставляется «право» экспортировать наши продукты только в США, вывозя или сырье, или те товары, которые там не производятся. Эксплуатировать наши природные богатства в полной мере мы не можем: на Кубе по указке США разрабатываются лишь те виды природных ресурсов, в которых нуждаются американские монополии.

После второй мировой войны американские монополии особенно активизировали свою деятельность на Кубе. Примером может служить район провинции Ориенте — Лонгва де Шахро, где действует контролируемая американцами компания «Шикаро Никель». Кубинский технический персонал этой компании не используется — она выписывает своих инженеров с севера, из США, на долгие кубинские рабочие и служащих достается наиболее тяжелая и низко оплачиваемая работа. Им запрещают жить в удобных помещениях, предоставляемых американским служащим.

Нефтеважные на Кубе не дают достаточно нефти, чтобы обеспечить горячим всю страну. Кубе поэтому приходится приобретать газولين у североамериканских компаний. К тому же и все разрабатываемые нефтяниками принадлежат американским компаниям и поэтому не приносят стране никакого дохода.

Американские монополии забирают в нашей стране сырье, грузят его на суда, увозят, а затем сбывают нам же готовую продукцию. Мы, например, выращиваем ананасы, томаты и т. д., а американцы привозят их, увозят, а потом продают нам в консервированном виде по чрезвычайно высоким ценам. Точно так же обстоит дело с рисом; хотя рис мог бы стать для жителей Кубы подлинным источником богатства, мы лишены возможности выращивать его в достаточном количестве, чтобы удовлетворить потребности страны. Из Соединенных Штатов отнимают рис у дру-

гих народов таким же образом, как отнимают у нас наши ананасы и томаты, очищают, упаковывают его и затем продают нам.

Американские монополии лишают нас возможности выращивать на наших плодородных землях что-либо, кроме сахарного тростника, и, таким образом, Куба превращается в страну монокультурного хозяйства. Эта зависимость всей нашей экономики от одной культуры — сахарного тростника — ставит страну в чрезвычайно неблагоприятные условия. Сейчас производство тростникового сахара колеблется в зависимости от того, сколько покупают США, а они покупают всегда разное количество. Так как мы не производим в нужных размерах другие продукты питания и не перерабатываем сами сахарный тростник, экономическое положение Кубы целиком зависит от произвола монополий Соединенных Штатов. Хосе Марти — великий апостол нашей независимости — говорил: «Народ, который не свободен экономически, не может быть свободен политически». Эти слова целиком и полностью относятся к нам, кубинцам.

В стране, которая должна принадлежать кубинскому народу, хозяйничают иностранцы. Все без исключения виды коммунальных услуг являются иностранной собственностью. Когда американцы впервые вторглись в нашу экваторику, они создали свои компании, управляемые в руках электричество, газ, водопровод, транспорт, строительство дорог и мостов. Большую часть кинематографа, демонстрируемых на Кубе, привозят американцы.

Борьба за мир помогает народу в его борьбе за национальное освобождение. Наш народ не позволил в свое время послать кубинцев погибать на фронтах Кореи.

С помощью «комитетов матерей», возникших по всей стране, женщины Кубы участвуют в широкой кампании защиты мира. Народ Кубы борется против войны, хорошо понимая, что от исхода этой борьбы зависит и судьба его страны. Остаются интересы своей родины, народ ждет отпор агрессивным планам реакции.

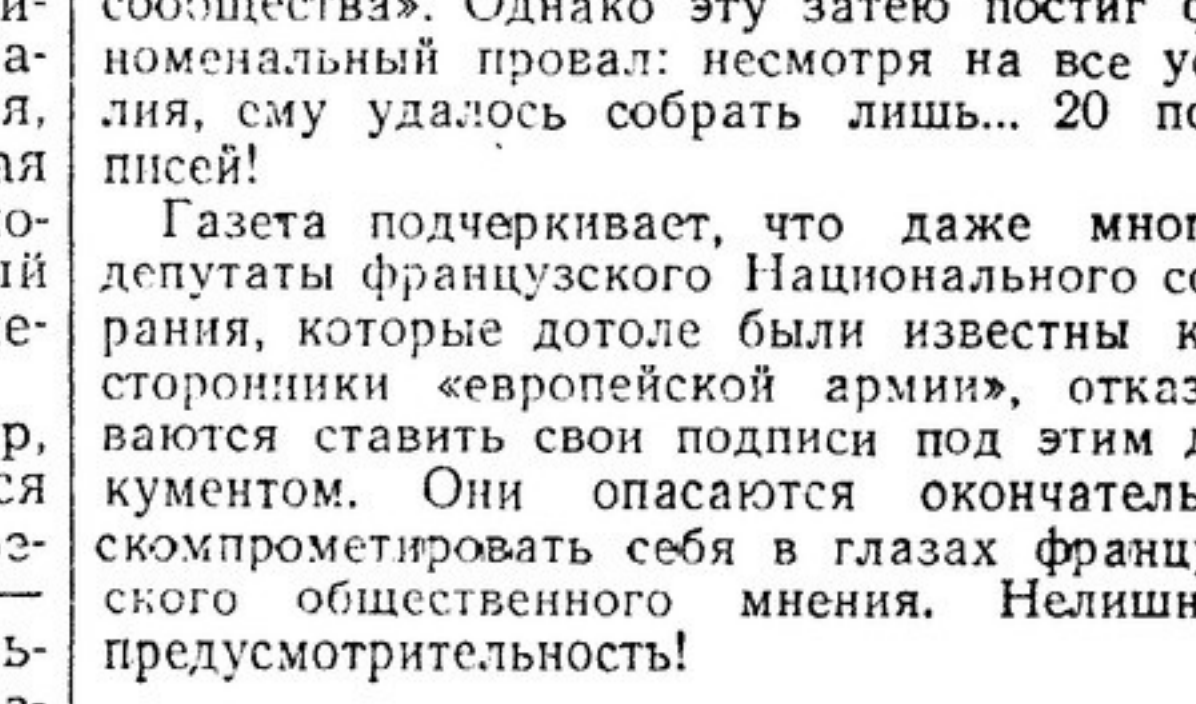
С каждым днем растет и крепнет великая семья защитников мира. Дстойное место в ней занимает кубинский народ, который в большом мужестве ведет борьбу за мир и дружбу между всеми народами, населяющими нашу планету, за национальное освобождение нашей родины. Мы знаем, что от успеха нашей борьбы зависит судьба Рауля Тиедеса и многих его товарищей.

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

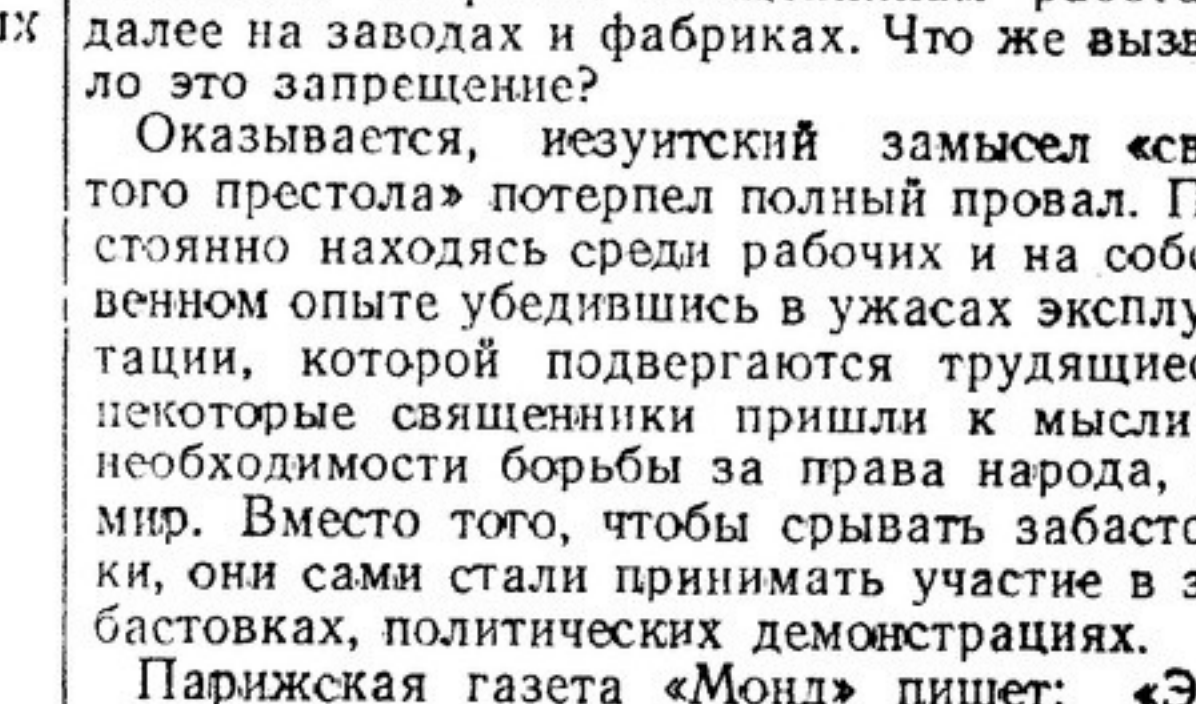
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

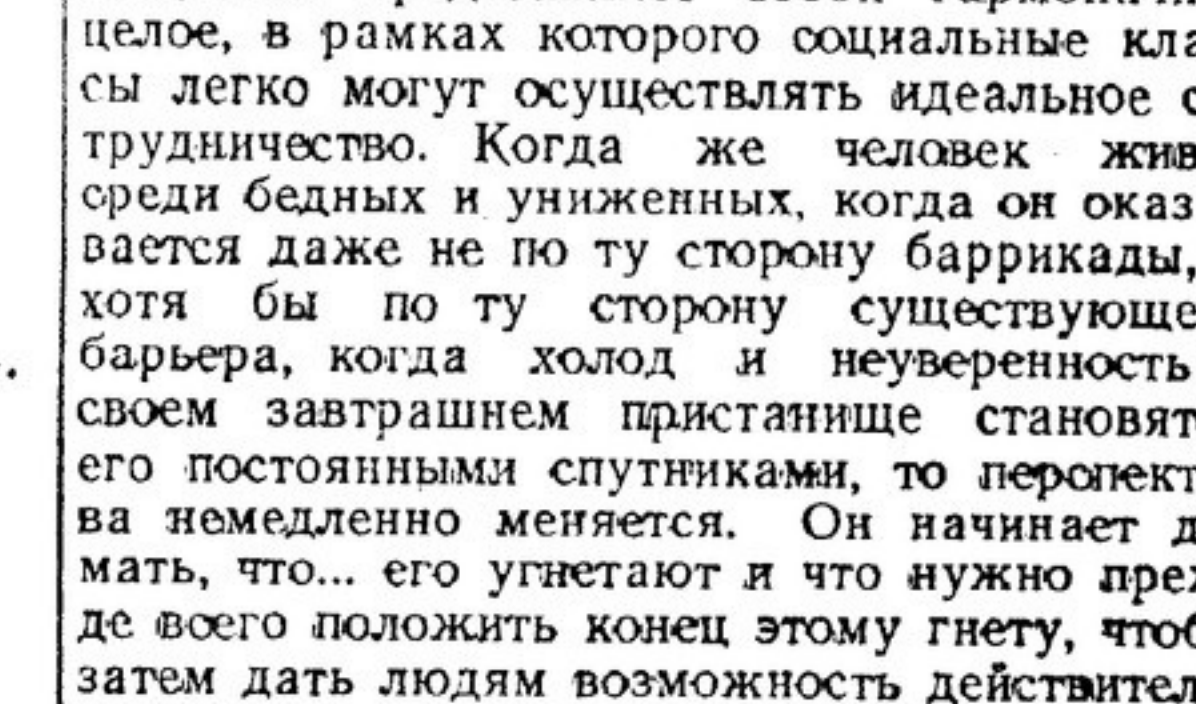
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

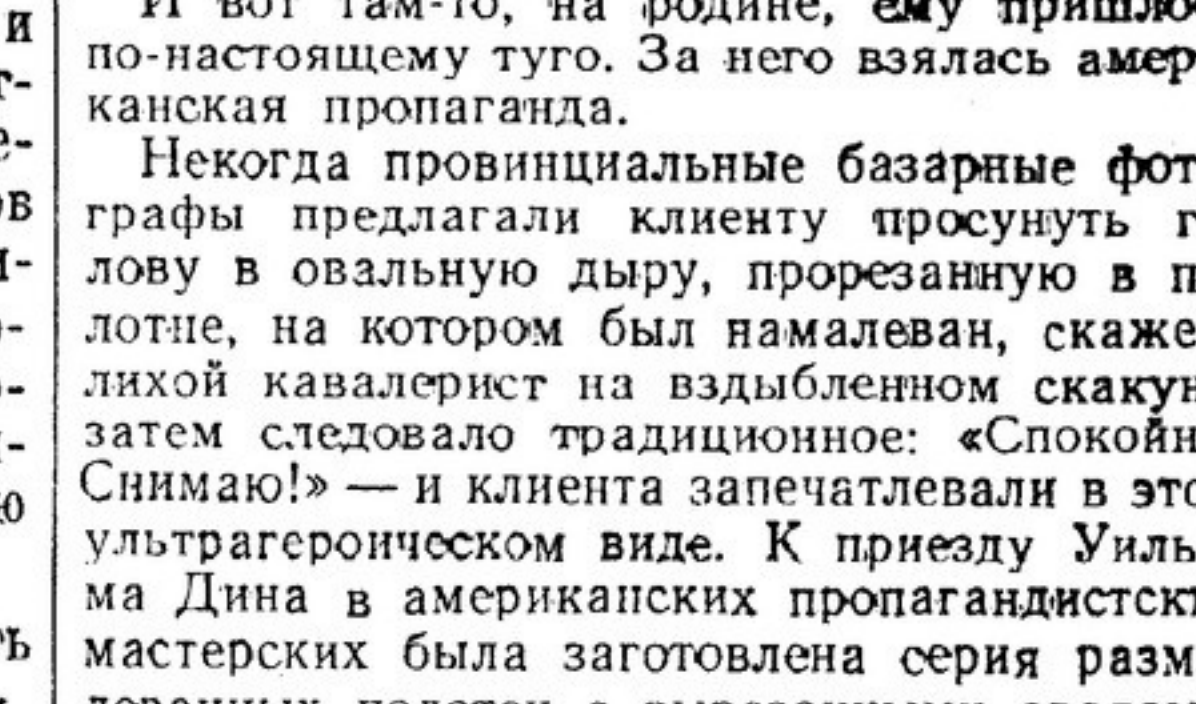
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

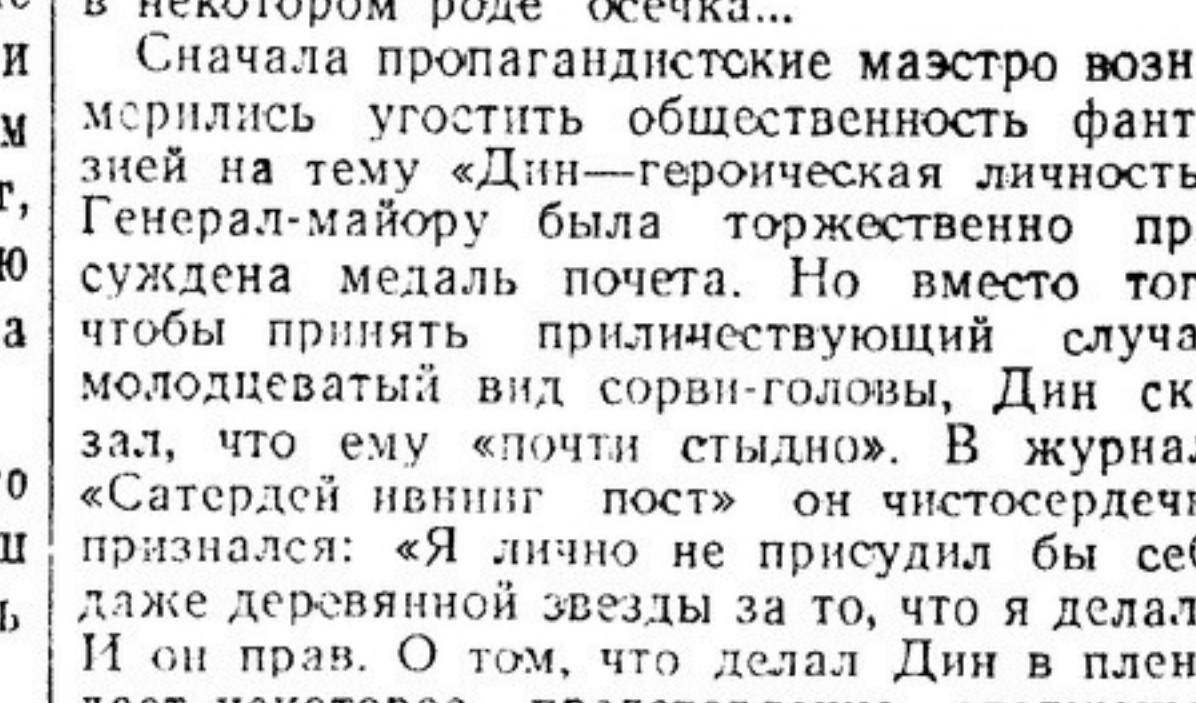
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

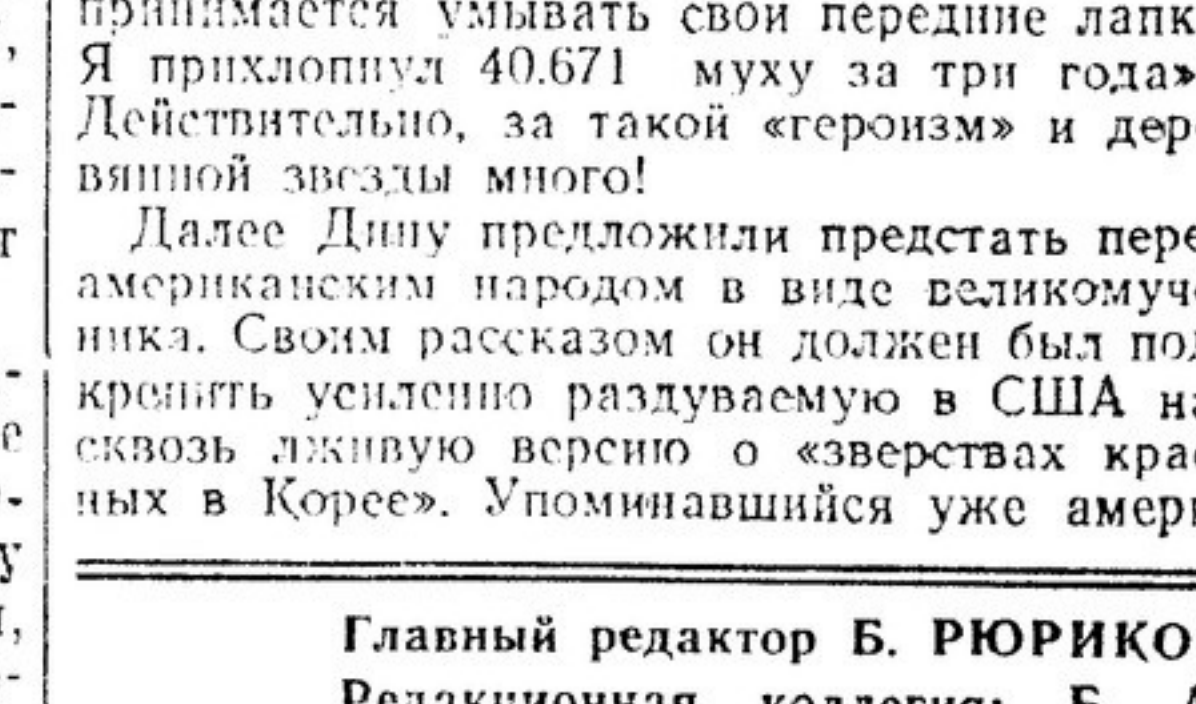
Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Стремясь расправиться с национально-освободительным движением малайских патриотов, английские колонизаторы у-

Смесь

Обязанность держать язык за зубами, учить историю одной из гамбургских школ Филипп имеет неосторожность неосторожно отозваться о политике реинтеграции Западной Германии. Английская разведывательная служба в Гамбурге немедленно поставила об этом в известность власти гитлеровской Германии. Дело расследовалось в четырех судебных инстанциях, которые одна за другой отказывали Филиппу в восстановлении на работе. Как сообщает журнал «Нейе берлинер альбюнге» вышедший из инстанций, обосновывая «закононы» притворства, заявила, что учитель нарушил «обязанность послушания», вытекающую из закона о дисциплине государственных служащих.

Держать язык за зубами, видя, как в Западной Германии возрождается милитаризм, — вот «обязанность», возлагаемая на всех солдат. Бойцов кинжала.

Свердловский губернатор, Английская газета «Дейли уорнер» пишет, что губернатор Британской Гвинеи сэра Алфред Свиллиг издал приказ о запрещении деятельности в этой стране комитета сторонников мира и двух демократических молодежных организаций. Никакие причины запрещения этих организаций не сообщены. Им не предъявлены никакие обвинения. Они просто объявлены «противозаконными» на основании чрезвычайных полномочий губернатора.

Словом «свидетель» означает по-английски «датель» и «свидетельство» или «один свидетель», что действия губернатора вполне соответствуют его фамилии.

После нескольких месяцев голода... Заметен ошумевший испанский газетный «АБС». После того, как Тидес Идн, несчастный на Токио, голодал в течение нескольких месяцев со своей женой и пятью детьми и алел в долги, он заложил последние вещи и устроил пирушку для семьи. Затем он убит женой и детьми, а сам бросился под колеса поезда.

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГИЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАНОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.

Адрес редакции и издательства: Москва, 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазет). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренняя жизнь — К 4-08-89, К 4-72-88, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, коммутатор — К 5-00-00.

Тираж 100 000 экземпляров. Цена 5 копеек.

Издательство «Литературная газета»

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь

Смесь